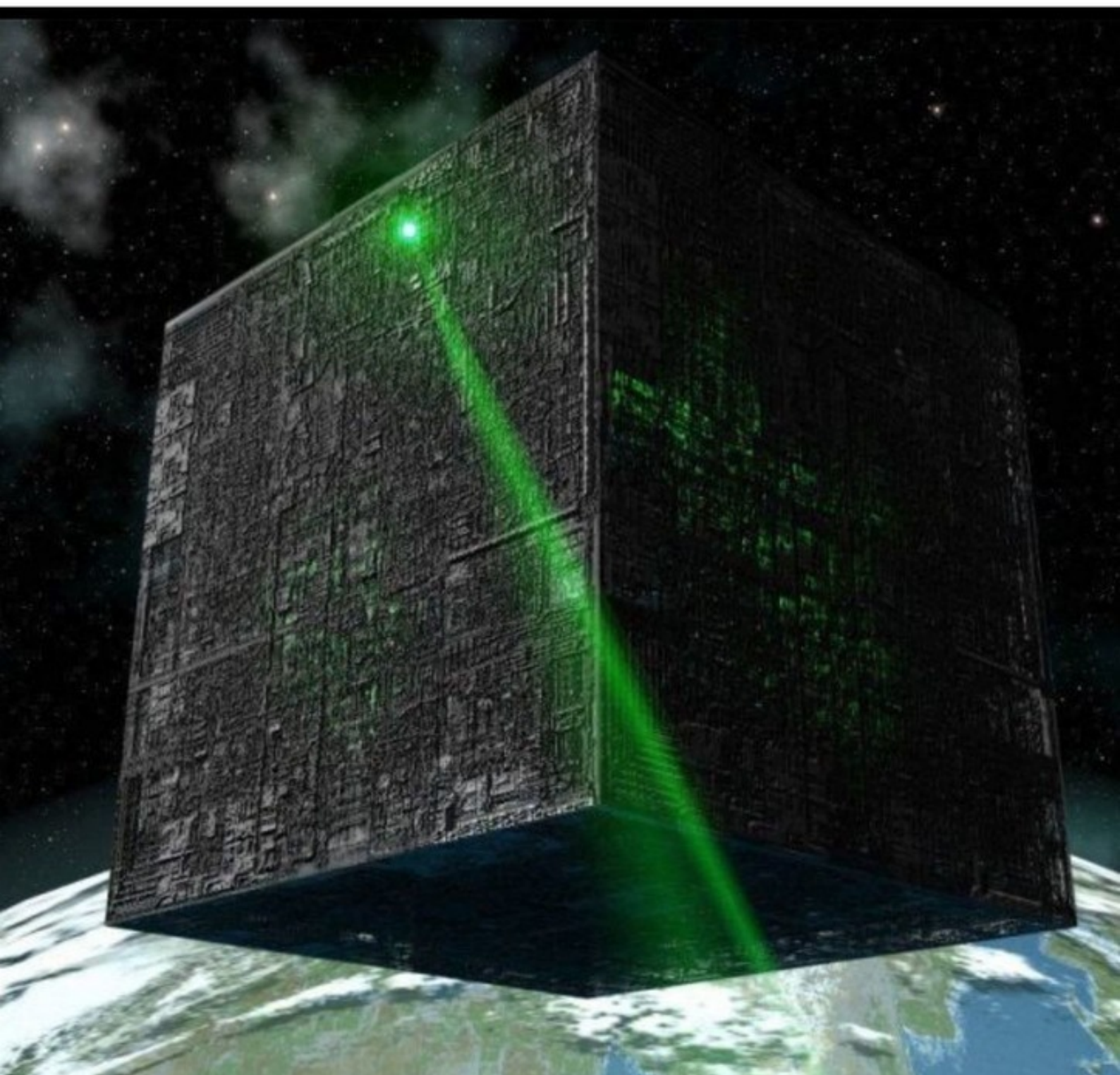

АЛЕКСЕЙ КОСЕНКОВ

КУБ

Алексей Косенков

Куб

«Издательские решения»

Косенков А.

Куб / А. Косенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936044-1

Главный герой в одном из своих астральных путешествий попадает в странную звездную систему. Сам того не желая, он провоцирует череду событий, в результате которых оказывается разрушен Генератор душ. Все живое во Вселенной на грани медленного угасания. Земля погрузилась в пучину хаоса, бессонницы и галлюцинаций.

ISBN 978-5-44-936044-1

© Косенков А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Куб

Алексей Косенков

© Алексей Косенков, 2018

ISBN 978-5-4493-6044-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

События основаны на реальном сне

Часть 1

Пролог

Внимание из органов слуха сместилось вглубь, в центр мозга, а затем вверх.

Кирпич. Нужный среди множества своих близнецов, но в одиночестве всего лишь дешёвый, пыльный, бесполезный камень. С трудом, старанием и тщанием созданный, и играючи, небрежно положенный в кладку. Однако, и то хорошо – мог бы вообще случайно выпасть из безразличных рук безымянного работника, расколоться и попасть в утиль. А так – приносит хоть какую-то пользу, лежа на своём брате, и брата же держа на своём ветхом каменном горбу. Скучно.

Действительно.

Лёгкой дымкой поднимаюсь выше, тонкой струйкой втягиваюсь в весело распахнутый клюв.

Это нескончаемая радость, от самого рождения – быть везде, куда только повернётся голова! Взглянул вверх, и крылья сами поднимают в бесконечный голубой простор. Перья дыбом встают от невероятной свободы полёта. Поворот. Метеором несусь вниз. Неуловимое инстинктивное движение, каждая мышца, каждое перышко знает своё дело, и – уже не вниз, а по широкой дуге, поворот. Лечу над деревьями, и над этими странными гнёздами расплодившихся безобразных Голых. Холодные камни и еще какие-то непонятные штуки – зачем в таких жить? Да и нет во всем этом никакой красоты. Если смотреть отсюда, сверху, в глаза бросается дисгармония. Никак не вписываются в окружающий землю зелёный рай эти холодные жилища, они не от мира сего. И эти их блестящие двигающиеся гнёзда противны самому воздуху, потому что он возмущается, чернеет вокруг них. Надо сбросить чуточку своей живой, ещё тёплой гармонии вон на то, красное чудо...

Есть! Прямо в цель, как и всегда.

Закладываю новый вираж, обгоняя какого-то нерасторопного голубя с пепельной расцветкой перьев. Пора подкрепиться.

Снижаю скорость и высоту. На секунду у меня перехватывает дыхание, и – когти намертво вцепляются в ветку. Ветка тёплая, шершавая. Вся в морщинах. Одна из морщин несмело шевельнулась. Да это же гусеница! Вот так встреча! Полежай-ка ко мне в клюв, мой сладкий ужин.

Интересно, что она думает перед смертью?

За пару мгновений до того, как птица подскочит к своей добыче, выскальзываю из раскрытого в предвкушении клюва и влетаю в гусеницу.

Здесь не подходит... И здесь не то. Ещё немного вперед. Внизу что-то щекочет мой мохнатый живот. Да где же это место? Вот это в принципе может подойти, но... А это ещё что за???

Темнота.

Чуть было не вляпался, и тогда всё бы на этом закончилось. Но, к счастью, я успел переместиться в дерево, и теперь ощущал лёгкое пошатывание.

Корни устали. Надо бы поспать. Сбросить листву, и, оставшись лишь под мягким белым покровом снега, спокойно ждать следующей весны. Но это будет еще не скоро. Пока что во мне величественно молчит энергия жизни. Чувства обострены до предела. Вечернее солнце даже не выдержало этой остроты и поранилось, залив мои листья своей теплой багровой кровью. Не буду стряхивать – пусть полюбуются.

Появилась идея – посмотреть на закат откуда-нибудь свысока. Отрываюсь от ворчливого каштана, и устремляюсь в самые облака. Да, в облака!

Выше только холодный космос. Внизу – всё, что создал Бог по имени Время. Нельзя назвать это ни красотой, ни мерзостью. Это просто приевшееся за миллионы лет многообразие. Меняется постоянно. Когда уже закончится этот полёт?

Впрочем, всё это баловство. Конечно, красота неопиcуемая, но в одном облако было право – нового здесь ничего увидеть не получится. Жизнь – это как змея, пожирающая свой хвост, который тоже имеет пасть.

Чуть изменяю свою плотность, затем меняю напряженность магнитного поля солнечного излучения вокруг меня, и, наконец, провоцирую ускорение p-n перехода в своих атомах.

Вуаля!

Я вновь где-то в вышине, но совершенно точно не на Земле. Небо не голубого цвета, а ржаво-рыжего. Солнце на нем одно, но огромное, размером с добрый арбуз. Облаков нет, только струящиеся волны горячих испарений. Вот уж где жизни нет, и быть не должно!

Ради интереса горящим осколком метеорита опускаюсь к поверхности планеты, и приятно удивляюсь. Оказывается, здесь процветает какая-то цивилизация.

С высоты то место, к которому я приближался, мало напоминало человеческие города, похоже оно было скорее на макет множества атомов с ядром и протонами, следующими по своим орбитам. Постройки явно не были предназначены для людей. Огромные сооружения были соединены между собой в одну сложнейшую конструкцию, простирающуюся от горизонта до горизонта. «Дома-протоны» практически висели в воздухе, прикрепленные к «орбитам» и друг к другу на разной высоте, иногда близко, а иногда в нескольких километрах от поверхности планеты. Раскаленные ветра гоняли нещадно иссушенную солнцем землю, ставшую попросту пылью, вокруг города. Только теперь понимаю, что все эти циклопические сооружения сделаны из плоти и крови, будто живой организм. Зрелище было потрясающим, и приводило в ужас. Как здесь может кто-то жить?

Интерес пересиливает опаску, и я пронзаю стену одного из ничем не примечательных «ядер».

Вот оно! Вселяюсь в механическое тело. Сливаюсь с чужеродным разумом в единое целое, и затихаю, отходя на задний план.

Подпитка завершена. Теперь я снова смогу вернуться к работе.

Даю своему молодому продолжению установку на сутки – запастись гигабайтами знаний и не пропускать подпитки. Тогда он станет таким же нужным звеном Работы, как и его отец.

Сын дал мне положительный ответ и отправился к генератору заполнения памяти. Он еще блестел моей смазкой, прямо как я в молодости. Да и его магнитные захваты работали, как следует, движения плавные, с лёгким, приятным динамиком жужжанием.

Я тоже не стал гневить Создателя, и выехал из базы.

Мои магнитные захваты уже никуда не годятся! Да чего там – я чуть было не свалился с дороги, когда покидал жилище, а это был бы верный конец.

Теперь придется наверстывать упущенное время, добавив скорости. Вокруг, сверху и снизу, справа и слева, носились по дорогам другие роботы, надежно притягиваемые своими магнитами к титановым орбитам. (Ошибка! Почему я назвал их орбитами?) Никто никуда не опаздывал, потому, что никто не спешил. Зачем? Все равно все пути закольцованы, и у каждого есть свой, с которого невозможно свернуть, и ведет он к Работе.

Вот и моя дорога плавным изгибом вывела меня к моему участку. Я остановился, и включил режим подготовки инструментов. Из внутреннего отделения выдвинулись угловые щипцы, П-образный ланцет и тройной крючок Кверти.

Плоть чьей-то базы обвисла и грозила вот-вот развалиться от старости. Меня призвали сюда, чтобы восстановить жизнеобеспечение, значит, у меня есть цель. Нацеливаюсь ланцетом, и...

Как жаль, что приятные моменты заканчиваются. Как жаль, что цель имеет свойство исполняться. Существование становится несущественным. Что делать?

Какие-то жалкие тридцать шесть часов в сутки — мне бы хотелось работать больше, но этот участок неисправности полностью восстановлен, а у меня заканчивается зарядка. Пора на базу.

Еду по дороге медленно, чувствуя внутри себя нарастающую пустоту. Чего-то мучительно не хватает. Скорее всего, энергии, но я не уверен.

Начинается сильная пылевая буря. Видимость снижается до нуля процентов. Но навигация работает, и дорога всего одна. Работа – база, база – Работа. Идеальный порядок.

На исходе энергия. Магнитные захваты теряют цепкость, и я срываюсь с орбиты (?!).
Падение.

Я такого не предвидел, поэтому успел вырваться лишь в последний миг до столкновения с землей, и вселился в отрываемую от нее песчинку. Меня уносит могучий раскаленный ветер. Внизу вспыхивает последним ярким событием в своей жизни – взрывом – бедный старый робот. Фактически, он заработался до смерти.

Очень жаль такие миры. Они обречены на постыдную статичность и пустоту существования. Хотя отсюда, сверху, город роботов вновь производил впечатление великолепной, необычной и развитой цивилизации. Ядра и протоны. Постоянное движение на месте.

Город все уменьшается и уменьшается. Это меня, песчинку, уносит в космическую даль солнечное притяжение. Однако сносит куда-то в...

Это обнаружилась более мощная сила – кротовая нора!

И я, разгоняемая любопытством частица, со скоростью самой скорости проникаю в неведомую Вселенную.

1.

Все металлоконструкции пронзили голубоватые искры электрических разрядов. Раздался негромкий хлопок, и вверх, а точнее во все бескрайние измерения пространства, неудержимой волной потекло молочно-белое туманное облако. Оно было густым настолько, что казалось, будто в нём можно запросто завязнуть. Однако Двар знал, что это иллюзия. Однажды, в первое время после своего Создания, он по неопытности действительно протянул руку в туман, и был за это безжалостно осмеян, и наказан дневным лишением знания. Тогда впервые пришло осознание того, что такое день, и что такое информационное голодание.

Двар был прилежным техно. Однажды сплеховав, он запомнил это на всю жизнь, и сейчас воспринимал каждый новый туман как должное, молча провожая взглядом. Незнание следовало изучать, а не навешивать на него ярлык первого впечатления.

Новый день вступил в свои права, а это означало, что те техно, которые до этого держали стражу на Рёбрах, отправлялись на Сектора, и могли вернуться к науке.

Двар больше любил учиться, чем охранять Куб от внешних угроз. Да, с одной стороны, на Рёбрах обстановка была понятной и прямой, как луч – вот они, стражи, а вот мерзкие дикари, агрессоры из внешнего Хаоса, и от них любой ценой и любыми методами следует защитить Куб. Алгоритм прост, отработан веками, и даже обдумыванию не подлежит. Зачем анализировать аксиому?

Но с другой стороны, это не давало абсолютно никаких перспектив. Дикари будут нападать всегда. Еще одна тайна мироздания – откуда они берутся? Будто бы рождаются от самого космического света, и с его же неотвратимостью и бесстрастностью накатывают своими яростными волнами на несокрушимый Куб. Их можно лишь отбросить, но полностью уничтожить – вряд ли.

К науке был особый подход и вытекающей из этого лозунг. Нет неразрешимых задач. Есть недостаток ума или упорства. А в случае Двара, да и вообще многих техно, еще и недостаток времени. Если бы его не посылали на недельные дежурства на Рёбра, кто знает, может он постиг бы главную загадку, ради которой создаются и существуют все они – что же есть Куб? Но это, конечно, в идеале. Замахнуться можно на что угодно, а довольствоваться пока приходится малым.

Туман окончательно рассеялся в неведомых далах. Двар сложил с себя полномочия Стража (оружие и знак отличия – накидку зеленого цвета) и столкнулся лицом к лицу со своим сменщиком.

– Доброй стражи, Кэр.

– Чистого знания. Как всё прошло? – Кэр набросил на себя зеленый плащ, невольно показав удивительно ровную свежую насечку на своем теле в виде трёх полос.

– Скучно. Все варвары попрятались по своим норам. – Двар сделал вид, что не заметил повреждений своего соратника. Не стоило обращать внимания на такие мелочи, как царапина. – Граница даже не шевельнулась, ты можешь себе представить? Всю неделю тишина.

– Ох, не к добру это. – Кэр озадаченно сверкнул своими изумрудными глазами. – Они что-то задумали, Двар, тебе так не кажется?

– Может, и так. Но это уже не наши заботы. Совет Углов найдет правильное решение, и мы не должны лезть к ним со своими догадками.

– Совет Углов. – буркнул Кэр. – Будто на нём весь Куб держится...

Двар вежливо промолчал и пошел прочь. Он терпеть не мог этих ярко выраженных воинов. Своевольность, неприятие власти, и самое скверное – глупость. Двар даже строил теорию, что типичными стражами становятся техно, которым при Создании вместо обычного мозга установили мозг дикаря. Но вслух этого, конечно, не говорил, опасаясь быть наказанным за ошибку.

Вообще на поверхности Куба было три касты: стражи, ученые и исполнители. Хотя все они считались универсалами, но первые имели склонность и были более умелыми бойцами, вторые лучше систематизировали знания и преобразовывали их в открытия, а третьи занимались опытами и исполнением наказаний. Впрочем, последних боялись все без исключения: и не испытывающие физической боли техно, и переполненные эмоциями и чувствами варвары. К каждой слабости имелись свои ключи.

С такими мыслями Двар и пришел к корпусу Совета. Внутри помещения вздымался высоко вверх, почти под потолок, беспорядочный, на первый взгляд, строй металлических колонн. Каждая была сделана из полимагнитных композитов, (одно из драгоценных благ Куба) что позволяло решить проблему со вместимостью зала. Техно могли с легкостью передвигаться по ним, и примагничиваться практически в любой точке, удобной для обзора. А обзор был идеальным, благодаря особой расстановке колонн. Сам Совет Восьми Углов заседал внизу, в центре зала.

Двар с трудом устроился у самого входа. Он ловко взобрался на высоту восьми метров, стараясь не обращать внимания на недовольные замечания окружающих. Примагнитился. Свободных мест уже почти не оставалось: разговор с Кэром отнял драгоценные минуты. Благо, вообще успел.

Корпус Совета озарила вспышка синего света, сигнализирующая к тишине и вниманию. Началось.

Восемь влиятельных техно стояли спиной друг к другу. Таков был порядок Совета – чтобы зал мог видеть лица тех, кто принимает значимые решения. Дело было не в доверии, (как можно усомниться в искренности намерений хозяина Угла?) просто каждый из них обращался к своему подопечному Сектору.

В зале не было принято разговаривать не по делу. В дисциплинированной тишине каждое сказанное слово имело серьезный вес.

Первым делом объявлялась общая информация, подытоживающая события, послужившие толчком к собранию Совета, а затем принималось решение по обозначившимся проблемам.

Непредвиденность событий сведена к минимуму. Секрет успеха? Быстрая и безоговорочная реакция на возмущающие факторы. Просто, как локтевой сгиб.

Двар сосредоточил внимание на словах Квотердана, который начал со стандартного приветствия.

– Чистого знания, Совет! Важное сообщение: на Куб готовится крупный штурм, вероятность события восемьдесят процентов.

Зал напряженно загудел.

– Сейчас наблюдается некоторое спокойствие, и мы им воспользуемся. Действия следующие: увеличить численность стражи, а цикличность смены состава ускорить. День – на Рёбрах, день – в познаниях. Второе: близится День живого тумана. Более точная информация будет озвучена по нейрооповещению.

Двар едва не охнул от такой новости, его остановил лишь страх быть наказанным за публичное проявление эмоций. Стиснув кулаки, он до конца дослушал, что говорил Квотердан – незначительные мелочи по сравнению с главным болтом программы.

Цикличность день-день – такое было впервые за все существование Двара, но раньше подобные меры уже принимались. Варвары время от времени собирались, и большими силами пробовали на прочность металлическую оболочку Куба. Тогда многим техно приходилось на время атаки прекратить обучение, и, взяв в руки цванги, выполнять свое предназначение.

Конечно, Двар всё это знал и понимал. Но ведь цикличность день-день означала, что он ни на йоту не продвинется в науке, именно тогда, когда у него появился прогресс! Еще этот День живого тумана...

Неприятные случайности приобретают вид злобных закономерностей. Но даже с этим можно бороться.

Когда нет возможности что-то сделать быстро и качественно в одиночку, всегда есть те, к кому можно обратиться за помощью.

Дождавшись окончания собрания, Двар покинул корпус Совета, и поспешил к Грифу.

Гриф был особым техно. Официально он не принадлежал ни к одной из каст, но обладал невероятным авторитетом, к нему не гнушались зайти за советом даже хозяева Углов. Местом его повседневного обитания была библиотека. Электронное хранилище знаний впитало в себя объем сведений вселенского масштаба, но Гриф не только не потерялся в этом изобилии, но и помогал заблудшим ухватить информацию за её длинный непокорный хвост.

Никто толком не мог сказать, откуда и когда взялся этот мудрейший техно, он был настолько старым, что о нём думали как об одном из неперменных и неизменных свойств этого мира. Однажды кто-то вслух назвал Грифа создателем Куба, и был жестоко за это наказан. Нет, не Исполнителями – он натурально расплавился на месте. Были вещи, которые Куб терпеть не мог.

Двар часто заходил в библиотеку, чтобы слегка привести в порядок спутавшиеся мысли. Сейчас он решил отказаться от помощи электронного хранилища. Да, это было бы самостоятельное обучение, гораздо более детальное, нежели с руководителем, но медленно, слишком медленно! Сейчас именно время на кону, а не самодостаточность, особенно накануне Дня живого тумана, когда техно представляют собой идеальную мишень, уязвимую и статичную жертву.

Библиотека была привычной для жителей Куба формы – прямоугольной. Никаких опознавательных знаков. Небольшое здание с гладкими, лоснящимися металлическими стенами. Единственная дверь оказалась распахнута – Гриф всегда был готов принять посетителей.

Внутри библиотеки царил, как всегда, его величество аншлаг. Полумрак и непрерывное бормотание – главные отличительные черты святилища знаний. То тут, то там, кто-то подключался к процессору, и с лихорадочным блеском в глазах познавал, или пытался познать истину.

Двар пересёк этот зал без остановки. Следующее помещение было разделено прозрачной стеной на два сектора – один для Грифа, а второй для посетителей. Сейчас напротив старика стояли трое техно, и старались уловить смысл гладких, как стены этого здания, формулировок.

– Теперь ты! – библиотекарь обратился к Двару. – Как твоё имя?

– Двар, достопочтимый.

– Вы трое утомили меня своей глупостью, идите получайте информацию в другом месте!

А я займусь Дваром.

Когда гости покинули помещение, Двару вдруг стало неуютно. Наедине с таким великолепным мозгом он почувствовал себя песчинкой, барахтающейся на просторах космоса. Потом возникло ощущение, будто он – робот... или облако... странное кричащее летающее создание... Что за?!

– Двар, если ты пришёл сюда молчать, то разворачивайся, шагай, и молчи в любом другом месте.

– Простите меня, я сам не знаю, что на меня нашло! – в самом деле, что? – Мне нужен научный наставник на некоторое время.

– В чём дело? Раньше тебе он, судя по всему, не требовался.

– Это из-за варваров. Чтобы не пропустить их нападение, смена стражи теперь проходит не каждую неделю, а каждый день. В таких условиях невозможно что-либо изучить, как следует.

– Что же тебе мешает развиваться когнитивно?

– Отсутствие времени! – у Двара глаза засветились бледным светом удивления. Такой мудрец, а задаёт такие простые, если не сказать пустые, вопросы.

– Отсутствие. Времени. – Гриф, будто впервые услышав эти два слова в одном предложении, попробовал их на вкус. Глаза его тускло вспыхнули усталостью. – А что такое время, Двар?

– Время... Это... Да что за странные вопросы? Ну, время это отношение того, что будет к тому, что было, в модуле, плюс ещё условная интерпретация. Я ничего не забыл упомянуть?

– Ты знаешь наизусть определение того, чего на самом деле не существует? Поздравляю. С такими успехами тебе самое место в первом зале. Подключайся к процессору и продолжай в том же духе.

– Но что я не так сказал?! Вы задаёте мне вопросы, я на них отвечаю, но я ведь за другим к вам пришёл – я сам хочу задавать вопросы и получать ответы! Что за глупости?!

– Потихонечко с эмоциями, Двар. Если бы не напряжённая обстановка с дикарями, я бы доложил о твоём поведении. А Исполнители шутить не любят, они бы поговорили с тобой по-другому. – Увидев, что гость испуганно смолк, Гриф продолжил, – У меня тоже есть некоторые правила и принципы, Двар. Я принципиально не обучаю техно, это слишком большая ответственность. Я лишь беру вас за руку и вывожу из тумана к свету, когда вы знаете лишь конечную точку, но не можете найти дорогу. Но как мне вести тебя, если ты забыл, куда идешь, и не видишь перевалочных пунктов? Времени не существует, Двар, и пока ты это не обдумаешь, как следует, мне не о чем с тобой говорить, ты пустое место для меня. Уходи.

«Какой отвратительный характер». – Двар ушёл от старца, и теперь подключался к электронному хранилищу. Выхода нет, сегодня придётся заниматься научными изысканиями при-

вычным, медленным способом. Но завтра, на боевом посту, он обязательно обдумает слова Грифа, который никогда и ничего не говорит просто так.

Щёлкнули синтезирующие захваты, руки слились воедино с одним из наружных аппаратов управления главного процессора, и Двар поплыл по информационным просторам. Будто ртуть по желобам, нацеленно, но неповоротливо, потекла информация, четкая, открытая, но без возможности кардинального прорыва, который обычно сулил неясный, но многогранный совет Грифа. Вокруг, в полумраке библиотеки были десятки, сотни таких же техно, как и он, жаждущих раскрытия всех секретов Вселенной, и главное, что такое есть Куб, и что такое душа.

Двар окунулся в привычную для себя атмосферу: тут и там непрестанно пощелкивало, попискивало в такт мерцаниям зрачков-индикаторов посетителей библиотеки, некоторые объединялись в группы и действовали сообща, что-то обсуждая, настолько оживленно, что временами мозговой шторм пересекал границу дозволенной эмоциональности.

Через четыре научных отсека справа от Двара разгорался спор. Этим термином в библиотеке Грифа назывался особый коллективный соревновательный способ открытия новых изобретений или теоретических догм. Метод действовал по принципу атомной бомбардировки и был одним из самых успешных, разумеется, после дискуссий с мудрейшим из техно.

Двар заинтересовался озвученной в споре темой, и вскоре стал активным наблюдателем, впитывая озвученные мегабайты информации на свой жесткий диск, не забывая анализировать всеми тремя полушариями мозга.

Центральную позицию занимал Кнаф, медленно проговаривая основные тезисы, которые должны были стать основой вырастающего из разрозненных обрывков знаний монументального открытия, в будущем также перешедшего в разряд очевидного и познанного. Уровень за уровнем, ступень за ступенью в бескрайнюю высь.

– Куб и Хаос – шар. Шар покоится в вечности и на краю неразумного и беззвездного сущего. Все происходящее ранее произойдет вновь. Умение вспомнить – есть не открытие, но естественный и неотвратимый повтор. Вселенная живет. Ее центр – двойной жизнью. Материя соткана из наронейронов и разбросана по Вселенной.

Кнаф продолжал отчеканивать крепкие, как сталь догмы, а окружившие его трое техно облепляли эти истины взятыми из закровов библиотечной базы данных наводящими теоремами и законами, доказанными полностью и находящимися под сомнением:

- Изначально техно были полностью из плоти и крови. Развитию нет предела.
- Параллельность двух прямых на всем протяжении истинна, до внедрения возмущающего фактора.
- Обособленность, отрешенность повышает коэффициент полезного действия на сорок процентов.
- Математический доф пропорционален минимальной единице квазиса.
- Количество единиц притяжения и плотность атмосфер внутри шаровой Вселенной уникальны и позволяют сохранять био, техно и люме баланс, предположительно с целью выполнения единственной миссии.
- Космический свет насыщен нейроимпульсными вспышками в пропорции пятьсот к одному квадратному децибелу на метр.

С каждым новым тезисом речь Кнафа и его соратников замедлялась, в то время как частота моргания его глаз-светодиодов усилилась настолько, что свет из них вырывался уже почти непрерывно, освещая библиотеку, словно маяк. Это было озарение, в прямом и переносном смысле.

– О, чистое знание! – воскликнул он наконец, перебив своих соратников по спору. – Происхождение Куба метафизично!

Все в зале в едином порыве закрыли глаза, погрузив библиотеку в священный полумрак, а когда открыли, ответом на последние слова было чудесное совпадение, а может, знак.

На металлический панцирь Куба сверху вниз сползал вездесущий густой туман, по которому техно топтались, не придавая значения. Каждое утро и каждый вечер одно и то же явление, подъём и спуск. Ничего необычного, просто наступает ночь. Но это на первый взгляд. Возможно, в этом заключалось нечто особенное, недоступное обыденному пониманию.

Глаза техно переключаются в режим сепии, позволяя охранять и познавать во тьме.

Двар бережно сохранил на свой жесткий диск очередное знание, которое, скорее всего, было не аксиомой, а все же теоремой, и обособился, вновь погрузившись в привычную атмосферу познания, медленно впитывая и анализируя пищу для разума.

2.

Когда меня-песчинку, выбросило из радужных завихрений кротовой норы, я долго не мог понять, где нахожусь. Все равно, что, выбежав разгоряченным из бани, прыгнуть в привычный сугроб, а угодить на съёмочную площадку голливудских фильмов.

Это не было похоже на параллельную Вселенную, да и вообще на Вселенную. Ни одна звезда не светила в этом странном месте.

Я парил в явно кислородном пространстве. Но это не было небо, в привычном его понимании. Не верх, и не низ. Скорее, прослойка между...

С одной стороны «неба» поражало воображение нечто огромное, кубической формы. Да, именно куб, как Рубика, только секторов было меньше, и они не отличались цветами, цвет был один – вороненой стали.

Поверхность громадины щерилась правильными формами многочисленных зубов-зданий, а на гранях и углах они наверняка выполняли защитную функцию – очертания были острее, хищнее, нежели на основной поверхности.

Размеры этого невероятного сооружения поражали, ими Куб мог бы поспорить с Луной. Не к месту вспомнилась киношная «Звезда Смерти». Вот уж кто бы удивился материализации своей идеи!

Такое, разумеется, не могло быть делом природы, конечно же, это сотворили чьи-то высокоразвитые умы и конечности. Однако слова «конечно же» и «не могло быть» теряли всякий смысл, стоило только перевести взгляд от Куба наверх, за пограничную зону, в которой я находился.

Вместо чёрного космического пространства – мягкий белый свет, который исходил не от Солнца – оно отсутствовало – а словно из ниоткуда, или из каждого атома всей этой воздушной области.

Куб окружала прослойка пустоты, а вокруг пустоты буйствовал нескончаемый, бескрайний лес. Настоящие зеленые деревья, тянущиеся своими кронами в сторону ошестинившегося башнями сооружения, так, что если бы в этом мире была нормальная сила тяжести, то все содержимое леса попадало бы «вниз», как из вывернутых наизнанку карманов.

Два антипода, техника и природа друг напротив друга, и небольшая аномалия, из которой я и появился. А если заглянуть в будущее, то это и единственный выход из этой замкнутой на себя системы.

Но как и почему мог родиться такой странный мир? Здесь стоило задержаться только ради того, чтобы поглядеть, кто здесь живет – на той, и на этой стороне. Однако мой интерес простирается куда дальше, и я, поддавшись порыву ветра, держу курс к металлическому исполину.

Чем ближе я подлетал, тем больший трепет вызывал во мне Куб. От горизонта до горизонта уже нельзя было увидеть его края. Чёрные прямоугольники зданий вырастали из метал-

лического пола, одноэтажные и многоярусные, высокие и не очень – это был один огромный, нескончаемый город.

Интуиция вела меня ближе к центру одной из сторон-Секторов Куба. И не зря – там готовилось что-то интересное. К одному из зданий стекались существа, населяющие этот мир.

Передвигались они невероятно быстро, сначала я не мог даже рассмотреть их, как следует. Но около точки сбора они замедлялись, и можно было увидеть всё в подробностях.

Туловище, две руки, две ноги и голова. Полный гуманоидный набор. Уже радуется. С высокой скоростью они передвигались по принципу «колеса», перекачиваясь с руки на ногу, а замедляясь, переходили на привычный мне шаг. Суставы были невероятно подвижны и пластичны, сгибаясь во все стороны под странными углами. Когда одно из этих существ остановилось, я понял, что и не суставы это вовсе, а сочленения. Из плоти и крови состояла только голова – без ушей и без носа, с уродливой ротовой щелью без губ; глаза – не глаза, а фотоэлементы, тускло горящие у каждого разным цветом. Тело же и конечности при внимательном осмотре оказались полностью техническим детищем, всё из той же вороненой стали, что и Куб. Вероятно, это были самые распространенные местные сплавы или композиты.

Как крепилась голова к туловищу, тоже для меня было загадкой, вскоре списанной на прогресс, несомненно, процветающий в такой высокоразвитой цивилизации.

Отложив на потом изучение строения тел этих существ, я с упоением влился в одного из них, предвкушая ответы на появившиеся вопросы...

...Осторожно, чтобы не спугнуть Двара, я черпал из его головы знания об этом мире.

Оказалось, что Куб построили не техно, как они себя называли. Более того, эти существа и не знали его создателя. В их понимании, Куб был всегда, а вместе с ним техно и мерзкие варвары, обитающие в лесах за Границей. Между ними шла непрекращающаяся война. Первые обороняли свой дом, а вторым не сиделось спокойно у себя в лесах, и они испытывали на прочность несокрушимые черные башни Куба.

За всю историю не было сведений об атаках, закончившихся успехом.

Помимо войны техно занимались наукой. То есть все, поголовно. Словно они рождались и жили с одной лишь целью – узнать. Нужно ли говорить, насколько развитыми оказались умственно эти странные существа. Однако, в голове Двара жили, по крайней мере, две абсолютно непреодолимые загадки – это сам Куб, и душа. Видимо, рационализированный и сверхнаучный мозг представителей этого народа не был в состоянии мыслить абстрактно, ненаучно.

Еще одно чудо, это сам процесс рождения техно. Они не имели половых признаков мужчин и женщин, поэтому и о размножении никакой речи быть не могло. Когда на войне, или от старости, кто-нибудь из них умирал, в это же время в корпусе Перерождения появлялся новый техно. Просто выходил из непроницаемой чёрной капсулы, и начинал учиться. Численность населения поддерживалась в точном равновесии, за этим следили лично хозяева Углов. Внешне эти существа почти не отличались друг от друга, разве что цветом своих фотоэлементов. Имена отличались по сложности произношения и количеству звуков в зависимости от касты, к которой принадлежал тот или иной техно, а также от его достижений или значимости.

Познание мира и себя не давали обитателям Куба покоя, никогда. Они занимались накоплением информации всегда, когда не занимались войной. Понятие сон было им не знакомо.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы отдохнуть после службы, Двар пришел в библиотеку. Я притих, в надежде получить знания вместе с ним. Однако, горящие всезнанием глаза Грифа мигом отбили всю охоту.

Я никогда еще не встречал настолько прожигающего взгляда. Чувство было такое, будто стакан, в который наливали воду, переполнился, и все, что в нем было, стало медленно выливаться наружу. Двар услышал мои обнажившиеся мысли, ощущения, и напрягся. Клянусь, я испытал самую настоящую боль! Я попытался перетечь во что-нибудь другое, но не мог –

повсюду была эта вороненая сталь, настолько неживая, что не принимала меня. Чудовищным усилием воли я собрался, и переместился в одного из роботизированных существ, заглянувшего в открытую дверь. Из него – в следующего. Я «бежал» как можно дальше от угрозы.

Избавившись, наконец, от опасного фактора, осмотрелся. Тело принадлежало Вурвиршу, одному из восьми влиятельных жителей Углов. После того, как зал Совета освобождился от лишних свидетелей, здесь проходили уже более тесные переговоры.

Ожидая остальных хозяев Углов, я приводил в покой свое энергетическое поле. В библиотеке Грифа со мной чуть не случилось то, чего не могло случиться – я едва не оказался заперт внутри одного из техно. Как такое вообще возможно?

Никогда раньше не думал об осторожности. Теперь придется. Это настолько против моих фундаментальных взглядов на вседозволенность в путешествиях, что с этим потрясением я справлюсь не сразу. Но пока его можно задвинуть подальше в дебри моих электронов, поскольку в зале Совета появилась вся восьмерка техно. Элита.

– Кларисса, ты уверен, что прорыв будет именно на твой сектор?

– Боюсь, да.

– Поясни, откуда у тебя эти данные, – Роннунг говорил с лёгким присвистом, выражая недоверие.

– Вот уже неделю не было ни одной атаки, верно? – все согласно замотали головами. – Это не совсем так. На мой сектор была одна высадка. Небольшая группа проскользнула, ее по каким-то непонятным причинам не засекли на Гранях.

– Ты хочешь сказать, у тебя есть предатели? – вмешался Нейравий. Его сектор был соседним с сектором Клариссы, и ни для кого из восьмёрки не было секретом, что он хотел бы прибрать чужое к своим рукам.

– Я знаю, что я хочу сказать, и попрошу вас помолчать, пока слово моё! – Ого, сколько эмоций в одной фразе. Впрочем, хозяину Угла простительно. – Далеко они не зашли, Куб не терпит незваных гостей. Мы уничтожили группу, причем, оставив четверых варваров в живых. Наши Исполнители превосходно знают свое дело.

– Неужели они смогли у них что-то узнать? – Себастиан скептически скривил ротовую щель. Меня покорило от этого малоприятного зрелища. – Вурвирш, в чем дело?

– Я не знаю. Странно все это. Такое чувство, будто нас подслушивают. – «Только не это! Неужели мое отвращение оказалось настолько „громким“? Надо затихнуть на время.»

– О чем ты говоришь?

– Не важно... Кларисса, что удалось узнать твоим Исполнителям? У них получилось извлечь из дикарей душу?

– Нет. Если бы им удалось, эту новость я бы объявил в первую очередь. Однако перед смертью один из них прокричал, что нам всем все равно конец, что следом за ними придут многие.

– Этот вывод напрашивается, если заранее в него верить, и складывать два и два. – Джованни впервые за весь Совет подал голос. – Но нельзя так прямолинейно трактовать предсмертные вопли полуразумных существ.

– Джованни, дикари – это наш шанс. Они – ключ к разгадке души, ведь для них она вовсе не тайна.

– Мне это известно, Кларисса, мои Исполнители трудятся не хуже твоих. Но материала слишком мало! Варвары предпочитают умирать, нежели попадать в наши руки.

– Именно поэтому нужно как следует подготовиться к их штурму.

– Итог: введение графика день-день полностью целесообразно, – подытожил Валиан. – На сектор Клариссы выделить по пять процентов от страж каждого сектора. Обратиться за помощью к Грифу.

Семь пар глаз зажглись огоньком удивления.

– Зачем?

– Вурвирш сказал, что нас подслушивают. Мне это не нравится.

– Я ошибся, Валиан. – мне пришлось использовать почти всю накопленную энергию, чтобы незаметно взять под контроль разум техно. Этот Гриф вызывал во мне разумные опасения. – Забудь об этом.

– Нет. Ничего не бывает просто так, и все нужно держать под контролем. Если пренебречь едва заметной мелочью, она может раскрутиться по спирали в огромную неприятность. Мы пресечем ее, эту малую вероятность, на начальной стадии.

– Хорошо, завтра же идем к Грифу.

– Чистого знания!

– Чистого знания, Совет.

Хорошо, что получилось отсрочить нежелательный поход к странному старику. За это время я успею покинуть тело Вурвирша. Тот начал что-то подозревать – опять происходит невозможное. Как эти техно чувствуют меня? Все интереснее, и интереснее...

Словно из ниоткуда, высоко в небе сгустился туман, и стал медленно приближаться к многокилометровой металлической поверхности Куба. Это означало приход ночи. Таковы были физические законы этого мира, и пока мне не дано было их понять. Хотя...

Не справившись с любопытством, я вновь становлюсь ветром и двигаюсь прямо в Куб. Сейчас я проникну в него, и узнаю наверняка и сразу, что здесь происходит.

Ближе, еще ближе. Шух! Меня отразило в обратном направлении. Я развернулся, вновь полетел вниз. С тем же успехом. Да мыслимо ли это?! Куб не пускает меня внутрь! Но ведь я не обладаю телесной оболочкой, я – чистый разум, душа, но не могу попасть в эту коробку из вороненой стали?

Меняю тактику. Я уже не ветер, а молекула водорода, которым здесь пронизано все воздушное пространство. Пытаюсь диффундировать, пройти сквозь твердые атомы Куба, но он отталкивает меня с пренебрежительной легкостью. Невероятно!

Не хочешь по-хорошему? Тогда будет по-иному. Я найду обходной путь, и непременно сделаю то, что задумал. У меня уже появился некоторый план действий, но он требовал времени. Впрочем, спешить, собственно, некуда. Если не получилось все и сразу, значит, пора приступать к первому пункту. Я возвращался в библиотеку, перескакивая от одного техно к другому.

Двар вдоволь поплавал на неукротимых волнах информации, но все равно был недоволен. За ночь он не узнал того, что смог бы узнать за час общения со сварливым Грифом. Придется, держа в руках цванги, а разум в сосредоточении, еще и обдумывать то, что сказал ему старик.

День обещает ему испытания, и сложнейшее из них – это колючее ожидание.

Я тоже не любил бездействие, но этот мир заразил меня сильнейшим интересом к своим тайнам. Я так изголодался по новому, неизведанному, что готов был узнавать в мельчайших подробностях о каждом аспекте жизни цивилизации техно, даже если это будет грозить неприятностями. Да что уж говорить, мне доставила удовольствие та опасность, которую пришлось пережить в библиотеке. Это чувство живое, и я уже давно его не испытывал.

Двар, мой носитель, неспешно передвигался в сторону одного из производственных зданий. До начала стражи он ещё успеет потрудиться на любимой песко-абразивной пушке, вытачивая изделия, которые в будущем, несомненно, пригодятся кому-то из техно. Максимальный рационализм – всё делать на пользу общему делу.

Время бежит слишком стремительно. Вот уже наступает день, когда Двар будет маяться от информационного голодания и скуки, мне же остается созерцать и складывать обрывочные наблюдения в единое целое знание.

3.

Несмотря на кажущееся единомыслие, объединяющее все население Куба, не было двух техно, полностью одинаковых как внешне, так и по убеждениям, и по развитию. Даже преследуя одну великую цель, невозможно среди множества дорог, ведущих к ней, найти две одинаковые.

В то время, как Двар с упоением купался в гигабайтах информации, Кэр держал стражу на одной из Граней Куба. И он не горел желанием возвращаться назад, в библиотеку, вопреки возможным упрекам и неудобным вопросам, которые ему непременно бы задали, узнав о его странных предпочтениях. Впрочем, страха эти обстоятельства вызвать не могли, разве что раздражение, и то тщательно скрываемое. На Кубе проявление эмоций не приветствовалось, даже пресекалось.

С боевой площадки Грани открывался панорамный вид на два сектора. Вид исключительно мрачный и грозный, внушающий невольный трепет; создавалось впечатление, что у Куба есть лицо, обветренное, древнее и до холодных разрядов в спине бесстрастное. Пример, памятник и ежедневное напоминание того, к чему должны стремиться техно.

Вот, что нравилось Кэру – ощущение того, что он неотъемлемая часть великого нечто, он – карающая длань Куба. Но вместе с этим его не оставляло неприятное чувство, будто эта самая рука ограничена в движении. Раздавить, уничтожить, разрубить надвое каждого врага, любого, кто посмеет посягнуть на неприкасаемую святыню – но нет! Приказ пока был лишь один – отбросить. Непонятный парадокс, который Кэр, конечно, однажды попытался разрешить когнитивным путем.

Это было в одной из библиотек Куба, не в той, где обучал Гриф, а на другом Секторе. После очередного особо крупного налёта варваров из Хаоса группа ярко выраженных стражей, как назвал бы их Двар, задались вопросом, почему, уничтожив агрессоров, они остановились, вместо того, чтобы отправиться в ответную атаку, раз и навсегда покончив с врагами. Таких техно набралось с десятков, из-за чего было принято решение провести сдвоенный сеанс споров, один за другим, взаимосвязанные, четко организованные и многообещающие. Первая группа должна была заниматься вопросом Куба, а вторая – его противоположностью – Хаосом и варварами. Кэр относился ко второй, поэтому, пока первые споры в своей активной фазе фонтанировали цепочками тезисов, вторые ждали свой черед несколько поодаль.

– Техно подобны народу варваров и не могут долго прожить вдали своего жилища.

– В основе частиц материи и антиматерии космоса лежит водород и углерод. В техно их нет.

– Куб прародитель нашего народа. Он целостный, не имеет входа и выхода. В нем нет изъянов.

– Есть!

Последняя реплика, принадлежавшая Биру, потонула в ошеломленном шелканье пальцев всех присутствующих в зале техно, а всеобщее моргание фотоэлементов, заменяющих глаза, в другой ситуации могло бы сойти за торжественное салютование.

Библиотека погрузилась в затяжное молчание. Но не столько задумчивое, сколько настоженное. И не зря.

Не прошло и пяти полных амплитуд маятника Гнофа, как в зал вошли те, кого так боялись варвары и не любили техно. Исполнители.

Четверо, они бесшумно вкатились в библиотеку и по-хозяйски осмотрелись. Молча встали вокруг пятерки из первого спора, защелкнули каждому вокруг шейно-головного сочленения свои специальные захваты, которые заменяли им обычные кисти с пальцами, и увезли прочь. Все произошло настолько быстро и обыденно, что никто ничего не понял, и сразу же забыл, оставив в памяти пометку «не важно», а кто понял, предпочел затаиться. Но вне зави-

симости от осведомленности и причастности каждого из присутствующих техно к запретному спору, все они были в тот момент беспрекословно послушны.

Тех, кого забрали с собой Исполнители, больше не видел никто.

Кэр и соратники по второму, несостоявшемуся спору не забыли случившегося. Хотя на многочисленных допросах, которые им потом устраивали, утверждали обратное.

Кэр вспомнил, как спустя три дня за ним прямо в библиотеку пришел один из экзекуторов, и отвел напрямиком в один из специальных корпусов.

В допросной не было пыточных инструментов – считалось, что и при обычном диалоге можно добиться полной и достоверной правды, при необходимости применив эмоциональный напор. Кэр знал об этом, и дал себе установку быть предельно убедительным, не вызывая подозрений. Если Исполнитель не поверит ему хоть на миг и воспользуется своей психической силой, то можно будет попроситься с жизнью.

– Чистого знания, Кэр. Меня зовут Хван, и мне поручено выяснить все о запретном споре. – Техно отметил, как ловко Хван расставил ловушку, сразу же обозначив «незаконность» того действия. – Мне известно, что ты был в библиотеке, когда это произошло.

– Я бываю в библиотеке нечасто, всего раз в два дня, но в тот день да, был там. – Побольше слов ни о чем, это создаст ощущение иллюзии откровенности и безропотности. – Был спор, но я в нем не участвовал. Не потому, что знал или думал, что он запретный, нет – просто хотелось индивидуальных, более детальных знаний в области прогнозирования демографических волн среди варваров.

– То есть, ты не слушал участников спора? – Хван применил эмоциональный напор первой степени, почти незаметный, но оттого не менее опасный. Плохой знак.

– Слушал. Они проявляли эмоции слишком явно и шумно, привлекая внимание многих. – Если экзекутор потянет за струну его искренности еще чуть сильнее, поток правды сам польется изо рта безжалостной предательской рекой!

– О чем же был спор? Прочитуй мне все тезисы. – Хван ослабил напор, чтобы не спугнуть «пациента».

– Дело в том... – Кэр сделал вид, что подбирает слова. – Что как только Исполнители взяли нарушителей под стражу, я, опасаясь стать их невольным соучастником, удалил полученные мной от них знания. Я виноват! Нужно было задуматься о том, что вам могут понадобиться мои сведения и не удалять. Я виноват.

– Молчать! Я сам знаю, кто виноват, а кто нет. – Хван на некоторое время замолк. Кэр, техно-страж, отвечал так же, как и большинство других допрашиваемых. Это снимало с него подозрения в причастности к спору. Но как можно быть таким недалевидным солдафоном! – Кэр, зачем ты вообще занимаешься познанием?

Такого вопроса техно не ожидал. Дело было даже не в формулировке, а в усталости и искреннем сочувствии, прозвучавшими из уст жестокого Исполнителя.

– Чтобы больше нечего было познавать. Так исключатся все возможные непредвиденные обстоятельства, возникающие на пути к Цели. Куб должен быть защищен.

– Но тебе не постигнуть всех тайн, у информации нет предела.

– Предел есть у всего.

– Даже если и так, это будет статичное существование без Цели!

– С такой установкой лучше вообще ни за что не браться...

С тем он и был освобожден от допроса. Полемика на столь высокую тему вывела экзекутора из себя, да настолько, что личные файлы допрашиваемого получили пометку «дефектен и необучаем».

Кэр всерьез отвечал на последние вопросы, но высказался не полностью. Для того, чтобы защитить Куб, нужно было исключить лишь одно непредвиденное обстоятельство, грязное пятно в их мире – несущих хаос варваров. Было что-то нелогичное и антипродуктивное в самой

основе оборонительной войны техно, и что хуже всего, никто этого не видел. А если и видел, то не придавал значения. Поставив на какое-либо дело штамп «не важно», уже не рассматриваешь его по-иному, и в последствии и вовсе не видишь. Одно дело, другое и так миллион – заштамповано. Забраковано. Невидимо. А что, если ошибиться и что-то очень важное отправить в папку «небытие»?

Кэр очень хотел исполнить свой долг, но пока у него были связаны руки, оставалось лишь ждать и совершенствоваться. Однако, излишнее рвение в науке может вновь натолкнуть Исполнителей на идею о том, что он не чист. Раз попав в поле их внимания, уже никогда нельзя быть полностью предоставленным самому себе. Да, они везде видят предательство и измену, даже ждут их. Но даже бдительное око закона в итоге привыкает к техно, который ежедневно исполняет Долг на Гранях, почти что игнорируя библиотеку. Кэр стал заниматься наукой всего по три часа в сутки, и то лишь для того, чтобы его не спрашивали лишний раз на этот счет. Другие техно видели в нем, и в таких как он низшую касту, Исполнители – стерильный, безопасный для Куба инструмент.

Но никто бы не оспорил того, что они были воинами. Искусными, яростными и верными, готовыми ответить сокрушительным ударом на любую угрозу.

Назвать эти слова пустой бравадой мог лишь тот, кто никогда не видел техно-стражей в деле. Даже если варвары по какой-то причине не атаковали, не посылали диверсионные отряды и не скапливались неподалеку от Границы, защитники Куба не сидели без дела.

Тренировочные упражнения, никогда не затихающие на Гранях, мало чем отличались от реальных боевых действий. Более того, в любой момент первая фаза могла стать второй, поэтому в серьезности учений никто не сомневался, разгоняя свои процессоры и все четыре манипулятора по максимуму.

С началом тренировки любой из хозяев Углов, используя известный только ему пароль, включал программу. Собственно, ни один Страж никогда не был предупрежден об этом заранее, поэтому всегда был начеку.

Из множества ниш, скрытых в каждой Грани, высоко вверх подбрасывались ву-пушки. Все то время, как они падали обратно к поверхности, на обороняющихся обрушивался град снарядов. Каждое из выпущенных ядер в полете разделялось на восемь частей, также как матка выпускает своих детенышей. Смертоносности в них было куда больше, чем в основном снаряде. Эти, дочерние, долетев до техно на расстояние вытянутой руки, стремительно трансформировались в острый клинок, и, с воинственным «ву!», издаваемым ядерным двигателем, наносили удар, после чего самоуничтожались через секунду. Воину нужно было успеть не только отразить десяток ударов за чрезвычайно короткий срок, но и избежать взрыва.

На этом испытания не заканчивались. После того, как с ву-пушками было покончено, Стражей ставили на высокие отполированные столбы из черной стали. Там, на двадцатиметровой высоте, они вновь подвергались обстрелу. На этот раз не было летающих и взрывающихся клинков – только липкие бесформенные комки-кляксы. Техно должен был уворачиваться от них, демонстрируя всю ловкость, скорость и координацию, на которую был способен. В противном случае «кляксы» могли прилипнуть к точке соприкосновения с телом. Ничего страшного? Как бы не так. Прилипнув, вещество резко прибавляло в весе, а учитывая интенсивность выстрелов и высоту столбов, дело приобретало крутой поворот. Техно, находясь на крохотном пятачке, исполнял что-то очень похожее на дикие варварские пляски, только этот танец был танцем смерти.

Имелось еще множество упражнений, направленных на то, чтобы Стражи не забывали, с какой стороны братья за оружие. Куб был настолько плотно укомплектован оборонительной техникой, что до реальных контактных боев с силами Хаоса доходило нечасто, а схватки, даже тренировочные, между техно были запрещены и в высшей степени неприемлемы. Однако, даже

при отсутствии видимого врага Стражи всегда рисковали жизнью. Периодически кто-нибудь ее отдавал, то на одной Грани, то на другой.

Каждый техно понимал, что так нужно. Тренировки продолжались дальше, про погибшего сразу забывали. Его убирали с места происшествия, немедленно транспортировали в корпус Перерождения и там утилизировали.

Так единый организм Куба перерабатывал свои заболевшие или отмершие клетки, тут же их возобновляя. Появлялся новый техно с новым именем, имеющий базовые знания, и ступал на долгую тропу к Цели.

Но Кэр думал не об этом. Вглядываясь в зыбкий покой Границы или сражаясь со специально разработанными машинами для убийств, чем-то похожими на него, он видел лицо Куба, бесстрастно наблюдающее за жалкими потугами его разгадать. Может, техно были изначально созданы с неким изъясом, не подпускающим их к закрытой для них информации? Это объяснило бы все, кроме одного: почему не Куб, якобы метафизичный, не терпящий дерзости по отношению к себе, а Исполнители прервали тот самый запретный спор?

Везение это было или закономерная предопределенность, но Кэр снял зеленую накидку Стража как раз в День живого тумана. Дежурить на Гранях во время этого события означало быть обреченным на смерть, поэтому Хозяева Углов оставляли там лишь по десять процентов от обычной численности, на случай подлой атаки варваров.

О том моменте, когда все произойдет, стало известно, как и всегда, только накануне вечером. Генератор случайностей автоматически выбрал «счастливчиков», которым суждено стать смертниками в этот день.

Как только произошла смена караула, в голове каждого техно раздался голос Грифа. Это было известное всем благо – нейрооповещение:

– Внимание. День живого тумана настал. Стражам продолжать защиту Куба. – эти слова предназначались только тем из воинов, кого выбрал генератор случайностей. – Остальным техно немедленно приступить к мерам защиты. Повторяю: немедленно приступить к защитным мероприятиям!

Кэр уже и сам видел, что началось. Глупое, с несвойственным холодным обитателям Куба суеверием и сантиментами название – День живого тумана – тем не менее, полностью себя оправдывало.

Окружающая все и вся тишина едва слышно, но явственно зажужжала, как древний электроэнергетический трансформатор, словно давая понять – берегись. Черная оболочка Куба «поплыла», выпуская вездесущий туман, также как и каждое утро. На первый взгляд, ничего необычного. Но с этого места начинались кардинальные изменения.

Кэр заторопился. Из переднего отделения его механического туловища выдвинулась капсула, размером с небольшую гайку. Воин запрокинул голову и отправил её в рот, вспомнив и про атавистический глотательный рефлекс. Сразу же вокруг его головы образовался полупрозрачный защитный купол. Впрочем, серебристый блеск защиты выдавал в ней функции экрана.

Тем временем туман, каждое утро рассеивавшийся в окружающем пространстве, вел себя по-иному. Он сгушался, обретая почти что осязаемую форму, и полз, словно змей, по металлу.

На экранировании головы мероприятия по защите не заканчивались. Кэр как стоял, так и рухнул пластом, прямо сквозь матовое шевелящееся облако. Прижавшись к Кубу, он затаился – мгла не приближалась к черному металлу, выискивая жертву чуть выше уровня коленного сочленения техно.

Почти незаметное жужжание переросло во вполне ощутимый гул. Даже космический свет будто бы поугас, погрузив и так неулыбчивый Куб в «многообещающий» мрак. Стражи на Гранях стали видеть какие-то неясные тени, что были чернее самого черного металла.

А туман, накрывший своим саваном почти всех техно, обретал форму. Вот в одном месте из него появилось длинное дымчатое щупальце и поползло к одному из бастионов Грани, где было трое Стражей. Вот в другом месте образовалась странная пятипалая рука с длинными крючковатыми пальцами и стала скрести о стальную стену одной из библиотек. Страшный скрип на уровне ультразвуковых частот раздался чуть ли не по всему Кубу, но мертвый черный металл не поддался.

Тем временем щупальце добралось до Стражей и методично, одного за другим хватало их прямо за бесполезно экранированные головы, и утаскивало в гущу облака, как в пасть.

Лишь внизу, у самого пола можно было спастись от обретшего собственную волю тумана, и Кэр как мог старался не шевелиться и даже не думать. Несколько раз он почувствовал прикосновения к спине, но на большее у неведомого явления не хватало силы, видимо металлическое тело техно имело некий иммунитет. В отличии от головы – но экран все же действовал.

В своем встроенном хронографе Кэр хладнокровно отсчитывал время, в течение которого властвовала смерть. Когда все закончилось, оказалось, что прошло ровно восемь часов. За это время с Кубом не произошло ровным счетом ничего. Он не претерпел никаких изменений, незыблемый, нерушимый. Константа.

Зато произошло с его обитателями. На сверхсрочном Совете, проведенном сразу же после происшедшего, выяснилось, что в общей сложности пропало без следа семьсот техно. Пропавших все молча признали развоплощенными, что считалось наихудшей степенью исхода. Однако не все Стражи, бывшие в тот день на Гранях, исчезли. Оставшиеся рассказали обо всем, что увидели Исполнителям, а те в свою очередь, внесли данные в хронику, которая станет доступна каждому техно.

Также Хозяева Углов приняли решение о срочном восстановлении оборонно-когнитивных сил Куба.

Вечером Кэр отправился в здание Перерождения на секторе Джованни. Конечно же, пришел не только он, все прибыли куда следовало, распределившись по секторам и корпусам. Каждый терпеливо, не выражая ни одной эмоции, ждал, когда начнется. Внутри заходили двести техно, а выходили двести пятьдесят, повсеместно.

Когда Кэр заходил в здание, он действительно чувствовал, что разболчен. Конечности не слушались, а мысли передвигались, как ленивые обожравшиеся варвары. Нужна была подзарядка, и срочно.

В середине зала стоял еще один маленький двойник Куба – десять на десять метров. Тоже черного цвета, но не из металла. Этот был из кремода, очень прочного, но прозрачного как стекло материала. Внутри сооружения зловеще затаилась непроглядная тьма.

Техно рассредоточились по залу, каждый взял в руку по электроду, который беспроводной связью был связан с корпусом Перерождения. Электрод по своей сути был энергосборной антенной. Все приготовились к процедуре.

Вечерний туман опускался на Куб, уже не неся с собой никакой угрозы. Когда он пронзил крышу здания, техно стали перемигиваться фотоэлементами разных цветов. Облако приближалось, а мерцание ускорилось – покой и буйство постепенно входили в резонанс.

Тем временем сам Джованни подошел к пульту управления, закрепленному рядом с мини-кубом и, дождавшись слияния мглы и сверкания приборов зрения сотен техно, нажал на кнопку.

Раздалось шипение, как от вырвавшегося наружу горячего пара. Электроды стали всасывать в себя струйки тумана. Мини-куб сработал смелее – с громким хлопком «глотнув» положенного, образовал вокруг себя внушительных размеров радиус чистого пространства.

Процесс пополнения внутренней энергии вскоре был закончен. Кэр чувствовал в себе облегчение и силу, способную раздавить каждого варвара без оружия, одними руками или, если придется, ногами.

Электрод предсмертно хрустнул, не выдержав давления механических пальцев.

Тем временем мини-куб нарушил свою однородность – с каждой из четырех сторон образовались проходы, и из тьмы навстречу Кубу, Хаосу, Цели и неразгаданным тайнам Вселенной тяжело вышагивали молчаливые техно.

4.

– Бросай это бесполезное занятие, Зед, не выводи меня из себя!

– Но Кай, если мы не будем превосходно выучены, разве мы поймем истинный смысл их фраз?

– Эти предсмертные вопли не несут в себе абсолютно никакого смысла, помимо того, что эти животные нас проклинаят. Если хочешь добиться хоть каких-то результатов, оставь науку другим техно, и делай то, что я тебе говорю.

Молодой ассистент Кая промолчал. Он только что был подвержен эмоциональному напору второй степени. Впрочем, закон не властен над Исполнителями, потому что они и есть сам закон. Эмоции были одним из подручных инструментов касты служителей порядка.

Сейчас Зед был несколько подавлен словами старшего Исполнителя. Однако, несмотря на его непререкаемый авторитет, и на то, что ученик стремился к тому, чтобы стать похожим на своего наставника, все равно не бросал науку.

В этом было что-то неправильное. Исполнители освобождались от заполнения своей памяти информацией не просто так, а чтобы заниматься другим важнейшим занятием – приводить в исполнение приговоры в отношении как техно, так и варваров. Но с варварами было сложнее.

Именно дикари из-за Границы впервые произнесли слово «душа», и это слово стало пробелом в сплошной полосе накопленных их цивилизацией знаний. Техно погрузились в дебри догадок – они сопоставляли и анализировали, вспоминали и прогнозировали, но пока не добились стопроцентного результата. Ходило мнение, что хозяева Углов вплотную приблизились к тайне, но было ли это так на самом деле, никто не знал наверняка.

Исполнители же шли иным путем. Этот путь был опытным. Они действовали, а не барахтались в абстрактных идеях. Исполнители были руками, в то время как все остальные техно – мозгом.

Зед во всем подражал своему наставнику, но на этот счет у него было свое мнение. Он думал, что если совместить теоретические исследования и эксперименты, то это принесет свои плоды. Он так считал. На деле же пока что у него толком не получалось ни первое, ни второе.

– Идем, у нас осталось ещё несколько.

Корпус Исполнителей сектора Клариссы представлял собой довольно крупное по площади здание. Высокие угрюмые потолки, множество залов: допросные, процедурные, лаборатории, кремационные, а также множество изолированных комнат, в которых держали провинившихся техно, или пленных варваров. В основном, конечно, техно, поскольку вторых нечасто удавалось взять живыми. Они знали об ожидавшей их неутешительной участи, и предпочитали гибель в бою смерти в мучениях.

Кай и Зед, никуда не спеша, будто прогуливаясь, шли вдоль пугающе длинного ряда тяжелых люков в полу. От потолка и далеких стен эхом отражался стук их ног по металлу, будто метроном, отсчитывающий минуты и секунды до конца жизни одного из обитателей неприглядных застенков. Камеры заключенных представляли собой верх аскетизма – голые стены, пол, и единственный вход через люк на потолке. Надо ли говорить, что сбежать отсюда было крайне затруднительно?

Исполнители остановились.

– Открывай, не стой столбом.

Зед наклонился, и напряг пос-усилители рук – по-другому он не сдвинул бы с места неподъёмную крышку.

Кай растянул прямо над выходом ловушку, так что варвар, вылетев из камеры, угодил прямиком в сеть; пара отчаянных движений крыльями, и он смиренно обмяк.

– Не дёргайся, тебе все равно это не поможет.

Кай с удовлетворением заметил в фасеточных глазах твари страх. Это хорошо, может быть, будет посговорчивей своих сородичей.

Вдвоем они поволокли варвара по полу в допросную залу. Тот лишь слегка перебирал конечностями, находясь под эмоциональным напором сразу двоих Исполнителей. Сейчас он не был способен причинить им какой-либо вред, несмотря на чудовищную силу.

Своими размерами дикари из Хаоса за Границей впечатляли – их тела примерно в два раза больше техно, не учитывая размах крыльев. Продолговатое туловище в желто-черную полоску, оканчивающееся устрашающим жалом. Четыре пары неуклюжих конечностей, покрытых колючим ворсом. Относительно небольшая голова с блестящими чёрными глазами, пасть с мощными жвалами, откуда вырывалась мерзкая слизь, и такие же мерзкие звуки, которые они научились складывать в слова. Сейчас, впрочем, эти самые жвала были стянуты металлическим тросом, что мешало плевать ядом.

Кай презрительно осматривал варвара. Они уже закрыли его за металло-плазменными прутьями допросной камеры.

– Дикарь! Когда будет штурм?

В ответ тот лишь злобно таращился сквозь решетку. Зед как мог, увеличил напряжение эмоционального напора, и продолжил:

– Тебе придется ответить, чтобы умереть быстро и безболезненно.

Он понимал бессмысленность своей фразы – разве есть разница, как умирать? Итог ведь один и тот же. Но у дикарей все не как у техно.

Однако пленник молчал, лишь пена из его мохнатой пасти потекла гуще.

– Что такое душа, тварь? – это уже сам Кай по максимуму надавил на допрашиваемого. – Отвечай!

– Душа – это то, чего у вас нет! – взвыл своими тройными голосовыми связками варвар. – Нет! Нет!

– Он бесполезен. – Кай прервал свой напор. – Мы сломали его мозг, и он больше ничего не скажет.

– Что теперь с ним делать?

– Отведем в лабораторию.

Лаборатория была святая святых корпуса Исполнителей, потому что именно здесь находилось оборудование, теоретически способное извлечь душу из варвара.

Это было настоящим шедевром порождения науки и мысли. Группа самых развитых техно трудилась над «ловителем» целых пятьдесят лет. Однако даже этого полностью не хватало для получения результата. После каждого использования в него вносились дополнительные коррективы и усовершенствования.

Прибор был настроен так, чтобы в мозгу подопытного найти самую закрытую, потайную мысль, но не долбиться в неё, пытаясь открыть, а выманить эту неизвестную составляющую наружу. Вне тела эта материализованная субстанция будет легче поддаваться изучению.

Такова была теория. На практике же то, что удавалось получить с помощью «ловителя», было либо вообще ничего, либо какое-то еле заметное облако, через пару мгновений исчезающее бесследно.

Зед пристёгивал ничего не соображающего варвара к мягкой, чуть наклоненной кушетке и думал о предстоящей экзекуции. Раньше она проходила по одному и тому же сценарию, но сегодня он решил использовать то, что обнаружил недавно на просторах электронного хра-

нилища информации. Небольшое изменение эксперимента, которое могло принести успех, а могло закончиться наказанием. Кай всегда приходит в ярость, если делать что-то без его ведома. А в таком серьёзном деле, как операция по извлечению души, нужно беспрекословно следовать его указаниям. Хотя... Если всё получится, это будет настоящий прорыв. Поэтому Зед и решился на риск.

К голове дикаря присоединили электроды. Они шли от электронно-лучевой трубки, закрепленной прямо перед ним на специальном штативе. Рядом с кушеткой Зед установил прозрачную ёмкость в форме куба (дань традициям), которая и являлась по сути тем самым «ловителем».

Кай наступил на педаль, и электронно-лучевая трубка замерцала бледно-серым светом. Вместе со светом появился тонкий писк на грани слуха, и Исполнители поморщились. Неприятное ощущение.

Варвар окончательно затих, и теперь заморожено уставился в бездну мертвого стеклянного глаза вытягивающей трубки.

Сначала ничего не происходило. Он смотрел, разлегшись на кушетке, а из пасти потихоньку стекала слизь. Но вот Кай повернул один из рычагов, и когда щёлкнуло, у твари задержалась голова, с частотой и амплитудой, обычно недоступной для таких существ. Во все стороны полетела пена.

Тело дикаря выгибалось от судорог, около минуты, а затем стал виден нечеткий контур, отделяющийся от него.

Все как обычно. Каждый раз именно на этом этапе, в таком, казалось бы, отлично продуманном и технически совершенном эксперименте, появлялись неприятности. Сейчас душа должна была либо угаснуть, либо угодить-таки в «ловитель», но рассеяться внутри него. Однако Зед уже все четко продумал, и понял, что настало время вмешаться.

Если душа есть нестабильная структура, значит, ее нужно упорядочить, подчинить. Зед напряг все нейроны своего мозга, отвечающие за эмоциональный напор, и всей мощью навалился на ускользящую тень. Кай не успел остановить своего ассистента, но смог дернуть за рычаг, спасая оборудование.

В первый момент Зеду показалось, что он сумел, что его напор укротил душу – ведь она будто бы съёжилась и сгустилась. Но затем она раскрылась, да так, что обоих Исполнителей отбросило в дальний конец помещения, а в том месте, где только что был привязанный пленник, теперь дымилась и стекала на пол черная жижа.

– Ты!!! – Кай, убедившись, что оборудование уцелело, набросился на ассистента. – Предатель, ты заодно с варварами!

– Нет, Кай, я лишь хотел использовать разум, чтобы упорядочить душу.

– Разум?! – старший Исполнитель немного сбавил обороты, поняв, что это была не диверсия. – Не считай себя умнее других, или ты думаешь, никто раньше не пробовал использовать напор при извлечении?! Молчи! Ты надоел мне своей самодеятельностью. Мне не нужен тупица ученик. Еще раз коснешься науки, и я тебя отстраню из Исполнителей навсегда!

– Да, Кай.

– И приברי здесь.

Зед подумал о том, как ему повезло, что Кай не прихлопнул его сгоряча. Старший Исполнитель вообще был болезненно подозрительным. Особенно ярко это стало заметно, когда к нему в застенки попался один Страж Граней, который замыслил убить Джованни. Убить хозяина Угла, да что там – немыслимо, чтобы один техно убивал другого. Кай так и не смог добиться от того, зачем он это задумал, скорее всего был поврежден мозг, но сам прецедент стал будто камнем, упавшим в водную гладь. От меньшего к большему. Старший Исполнитель стал всех и каждого подозревать в измене, в заговоре.

Зед подавленно собирал с кушетки и пола останки варвара. Вот тебе и пятно на репутации. Может, Кай прав, и не стоит ему вообще соваться в бесконечные просторы информации? Но душа... Она не дает ему покоя. Такая непокорная, неизведанная, она притягивает его внимание, как магнит.

Напор оказался бессилем перед этой непонятной субстанцией. И Зед был не первым, кто попался на этом. Вдвойне позорно попасть в уже известный всем, кроме него неудачный опыт. Масло внутри него стало будто бы закипать.

Зед закончил с уборкой и отправился к камерам. Там еще оставалось двое варваров. Убедившись, что никто его не видит, открыл люки. Четко следуя правилам безопасности, расставил ловушки, и повел пленных в процедурный зал.

Неспешно зафиксировал обоих у стены в вертикальном положении, пользуясь специальными браслетами.

На огромном столе были разложены допотопные механические инструменты, позаимствованные у самих же дикарей.

Подумав секунду, Зед взял пресс-гильотину. Глядя прямо в огромные глаза твари, зажал одну из конечностей в инструмент, и медленно, с упоением надавил. Из глотки твари вырвался многоголосый крик. Зед с удовлетворением почувствовал, что понемногу остывает. Но слишком медленно...

Когда он разобрался с каждой из восьми конечностей варвара, тот уже не кричал, лишь из глаз его лились красные солёные капли. Тогда Исполнитель взял со стола ручной бур, и медленно-медленно вошел в оба глаза, до дна.

Тело пленника обмякло.

– Ну как, понравилось? А теперь я поиграю с тобой.

Зед поднял со стола громоздкий обратный домкрат, и, сыто сверкая фотоэлементами, двинулся ко второму варвару.

5.

Двар мчался в библиотеку со всей скоростью, которую могли развить его подвижные конечности. Он перекачивался, сгибая и разгибая руки и ноги в невероятных даже для техно углах.

День живого тумана пришел как всегда не вовремя, еще сильнее усугубив отставание от намеченного Дваром графика когнитивного самосовершенствования. Впрочем, могло быть и еще хуже – развоплощение. Но прошлое остается в прошлом, и теперь нужно было вновь идти вперед.

Весь предыдущий день прошёл в напряженном ожидании. В памяти крепко засела установка Квотердана быть внимательным в преддверии крупномасштабного штурма.

Бастионы Граней в тот день казались особо оживленными, даже количество Стражей значительно увеличилось. Все усердно всматривались в лёгкую дымку Границы, и крепче сжимали в руках цванги. Под этот единый оскаленный настрой подпал и сам Двар, напрочь забыв обо всех волнующих его вопросах. В этот миг важным был лишь Куб, и его безопасность.

Теперь же он презрительно кривил рот и щёлкал всеми четырьмя пальцами, вспоминая вчерашний день. Вместо того, чтобы оптимизировать работу своего мозга, и подготовиться к разговору с Грифом, он беспечно таранился в пустоту. И теперь ему придётся с пустотой в своей голове прийти на диалог с мудрейшим из техно. Блеск! Единственный выход из сложившегося положения, это во всем соглашаться со стариком, может, получится расположить его к себе. Но вероятность этого исхода ничтожно мала – зная непредсказуемость и характер Грифа.

Проезжая между правильных, привычных глазу прямоугольных строений, Двар волей-неволей успокаивался. Что будет, то будет – нет смысла бояться неизбежного. Всё, что происходит на Кубе, закономерно, предопределено...

Двар едва успел среагировать, чтобы не врезаться на полном ходу в нечто, никак не вяжущееся с последними его мыслями. Да как такое вообще могло быть?! Прямо посреди широкого проезда, между зданием Совета и зданием Перерождения шатаясь, едва удерживаясь в вертикальном положении, стоял гипсовый слепок, изображающий варвара в натуральную величину, со всеми его лапами, крыльями и страшными жвалами. Скульптура (откуда взялось это странное слово?) была слабой, сделана была лишь для того, чтобы почти сразу же её убрали разъяренные техно, но здесь, в самом неподходящем и ненавистном для себя месте, она была по глазам сильнее ядерного взрыва. Но как дикари умудрились пробраться на поверхность Куба, да так далеко? Да ещё и с таким грузом. А может, это вовсе и не... Ну, это уже совсем бред.

Постаравшись забыть увиденное, Двар добрался, наконец, до библиотеки.

Сегодня приёмная комната Грифа пустовала – видимо, большинство техно решили по-своему приспособиться к нынешнему графику смены стражи. Электронное хранилище даёт знания непременно, и не ворчит над тем, какой ты глупец.

Двар решил рискнуть, и идти до конца.

– Чистого знания, достопочтимый.

– Это ты. Продолжим?

– Хотелось бы, достопочтимый.

– И ты готов отвечать на мои вопросы?

– Нет... Не было времени подготовиться, всё из-за этой стражи. Нужно было сосредоточить внимание на Границе, и...

– Я не спрашивал у тебя, почему ты не мог заниматься делом. Я и так знаю. В нашу прошлую встречу ты упомянул о том, что у тебя нет времени?

– Да.

– Тогда что было вчера? Где ты находился?

– Я...

– Ты никуда не делся, ты был. Не дематериализовался, не исчез, ты существовал где-то, и занимался чем-то. Это и есть время, Двар. Ты сам – время, и ты можешь делать что угодно, потому что ты есть. Есть ты – есть время. Ты повелитель себя. Так в чём проблема, Двар? Не можешь управлять собой? Пришёл ко мне с просьбой помочь, но что я могу сделать, пока ты к этому сам не подойдешь? Я не могу манипулировать тобой, это против моих правил, да и хозяева Углов не стерпят такого.

– Так что мне делать? – окончательно запутался Двар.

– Сам реши, что тебе делать, ты, ноль двоичного кода!

Гриф отвернулся, давая понять, что всё сказал. Когда ему показалось, что он простоял так достаточно, повернулся, но гость стоял на том же месте. Гриф удивленно дёрнул уголком рта.

– Почему ты все еще здесь?

– Я хочу, чтобы вы поделились со мной хотя бы малой частью ваших знаний. Может, тогда я приблизился бы к разгадке Куба, или души.

– Ты надеешься понять то, что лежит за гранью логики и науки? Даже если тебе и удастся, то что? А если эта правда придётся тебе не по нраву?

– Гриф, а вы знаете... – Двар медлил, он не знал, можно ли вообще такое произносить вслух. – Вы знаете ответы на мои вопросы?

– Какие вопросы?

«О, наука, какая отвратительная у него манера ведения диалога» – подумал Двар, но вслух терпеливо пояснил:

– Что есть Куб, и что есть душа?

– Ответ на первый вопрос даст тебе ответ и на второй, а ответ на второй вопрос наметит тебе на первый, а оба вместе они не имеют значения для этого мира, но имеют значение для всего сущего.

Гриф издевательски засверкал фотоэлементами, приседая и подпрыгивая. «Да он безумен!» – испугался Двар, но вновь сумел взять над собой контроль.

– Достопочтимый, ваши загадки бессмысленны!

– А чего ты ожидал? Ты задал мне прямой вопрос, и получил прямой ответ. Если он тебе непонятен, значит, ты всего лишь пропустил промежуточное звено – понимание. Хочешь информации, получай ее по крупицам, ведь Вселенная состоит из атомов. И больше меня ни о чем не спрашивай, я и так позволил себе слишком много.

– Гнусный старикан!

– Проваливай, и ко мне больше не приходи!

Тут Двар понял, что натворил, но слово уже оставило свой след.

– Простите, достопочтимый, я не должен был...

– Уходи, пока я не доложил Исполнителям!

«Ну, вот и всё» – Двар в удрученном состоянии выходил в зал электронного хранилища. Единственная ниточка, ведущая к просветлению, утеряна, и вряд ли старый Гриф изменит своё решение относительно него. А самое обидное, что он не успел добиться от библиотекаря ничего конкретного, кроме несуразной загадки, только внесшей еще большую неразбериху в старую кучу вопросов.

Я тоже получил не самые приятные впечатления от общения со сбрендившим стариком. Мало того, что приходилось забиваться в самый дальний уголок сознания Двара, чтобы не быть замеченным, так еще и информации полезной не получил. Сидеть в голове среднестатистического техно и «по крупицам» отщипывать от Вселенной данных мне совершенно не хотелось. Впрочем, решение проблемы не заставило себя долго ждать.

В библиотеку вошли не кто-нибудь, а восьмёрка влиятельных, и я по уже проторенной дорожке нырнул в голову Вурвирша.

Когда хозяева Углов вошли, Гриф что-то сварливо бормотал, шевеля своим подвижным, будто черви, безгубым ртом.

– О, вот кто давно ко мне не заходил! – явно обрадовался пришельцам старик. – Чистого знания!

– Чистого знания, Гриф. – Говорил Валиан. Он был любимчиком Грифа, чем частенько пользовался. – Мы пришли поговорить с тобой об одном важном деле.

– Когда хозяевам Углов нужен совет по важному делу, они приходят к старику Грифу. Мне это известно. Но я начну первый.

Восемь техно переглянулись, но промолчали. Их власть не распространялась на старца. Он вообще был сам по себе, но это было ему простительно за его безграничный ум. И если Гриф говорит, что нужно слушать его – то можно и помолчать минуту.

– Моё мнение насчет ускорения цикличности смен наука-стража. Я недоволен.

– Но, Гриф, дикари готовят...

– Мне известно все, что готовят дикари. Я говорю, что недоволен тем, что на поверхности Куба меньше техно, чем на Гранях.

Хозяева Углов вновь переглянулись, недоуменно сверкнув глазами. То, что они приняли как само собой разумеющееся, оспорил мудрейший из техно – тут было над чем задуматься.

– Не спрашивайте, почему. Сами поймете, когда придет время. И в ваших интересах, чтобы оно пришло не слишком поздно. Теперь, – старик отвратительно причмокнул, – ваш черед говорить.

– Было у нас одно... подозрение, – осторожно начал Валиан. – Неясное чувство, будто кто-то или что-то за нами следит. Может, тебе известно...

С глазами Грифа творилось нечто пугающее. Сначала задумчивый бледно-зелёный цвет сменился сверкающим изумрудным, а затем старика будто что-то осенило – он прищурился, и сквозь бойницы-веки глаза сверкнули ярко-красным.

– Это... Оно было в Дваре, тогда, когда он... а сейчас Оно внутри Вурвирша. А!

Пока хозяева Углов пытались переварить произносимые вслух догадки старика, я уже принял решение драпать от опасности подальше. Никто не успел среагировать на мой резкий рывок. Оттолкнув Грифа с пути, я заработал конечностями, будто мельницей, стремительно набирая скорость. Здание библиотеки осталось позади, а я мчался, не разбирая дороги, чувствуя за собой погоню.

«Я неуязвим. Я неуязвим. Я неуязвим, пока рядом нет этого Грифа».

Скорость была так велика, что здания, проносящиеся мимо меня, слились бы в одну мутную полосу, если бы не сверхчувствительные сенсоры зрачков.

Знания и чутьё Вурвирша подсказывали мне, что скоро я уже доберусь до края этого Сектора Куба. Если погоня и была, то давным-давно отстала и потеряла мой след. Сочленения рук и ног, изрядно поработавшие, с облегчением замедлили своё движение.

Я уже был почти уверен в том, что достиг безопасного места, когда вдруг заметил странную деталь – ни одного техно не было видно вокруг, причем уже давно. Встав между одной из башен Грани и огромным зданием, которое было логовом...

– Это он, Зед, бросай!

Будто из ниоткуда появилась целая процессия техно в серых накидках – Исполнители.

– Бросай!

И один из них действительно набросил на меня сеть, которая, словно живая, сама опутала мне руки и ноги. Потеряв равновесие, я растянулся на тускло блестящем чёрном металле.

«Тоже мне, поймали вора!» – произошедшее меня почему-то невероятно рассмешило. Совершенно неуместно я засмеялся, по-человечески.

– Что Это такое, Кай?

– Пока не знаю. Но нам нужно достать Это из Вурвирша. Зед! Дох! Тащите его в лабораторию!

– А! Ха! Ха! – я уже не мог сдерживаться, и жутко, механически, хохотал в голос, уродливым ртом без губ пытаюсь улыбаться.

– Успокойте его!

Но я был уже не в пленённом хозяине Угла, а в одном из Исполнителей, продолжая неистово смеяться. Когда все обратили на меня внимание, вселился в следующего техно. И еще через мгновение. Я перепрыгивал с одного на другого, будто с одной болотной кочки на другую.

Ужас и паника в их непривычных для эмоций глазах радовали меня, и мне не хотелось останавливаться. Когда серые накидки кончились, я перешёл на носителей зеленых – благо Грань была прямо здесь, и теперь уже Стражи один за другим принимались дико дёргаться, издавая непривычные этому миру звуки.

Если бы техно знали, что такое уши, этот день они бы назвали «День, когда Куб встал на уши».

Растревожив так негостеприимно принявший меня муравейник, я вселился в летящий в сторону Границы кусочек грубой ткани, которую сам же оторвал от накидки стража. Мельком отметил для себя, что это был не Кэр, а открывшийся шрам в виде трех полосок был идентичен увиденному Дваром. Все интереснее и интереснее. Однако, пора было поглядеть, что творится на вражеском берегу.

6.

Когда я преодолел около половины пути, меня посетило чувство deja-vu, будто я бывал уже когда-то в этом месте. Впрочем, через секунду в воздушном пространстве между страшным городом техно и Хаосом дикарей появилась та самая аномалия, из которой меня и выбросило сюда.

Она переливалась разными цветами и пульсировала, похожая на растёкшуюся чернильную кляксу. Но что-то изменилось. Когда я понял, что, то испытал жгучее желание нырнуть в аномалию, бежать, покинуть этот закрытый чужой мир.

Когда я впервые попал сюда, размер «кляксы» был сопоставим с воротами, теперь – никак не больше двери. Если так пойдёт дальше, то выход (или вход) в кротовую нору будет размерами не больше мышиного глаза, а то и вовсе исчезнет.

Сжав всю свою волю в кулак, я удержался от искушения. Нет, ещё не время. Загадка Куба заразила меня, и пока она остаётся неразгаданной, я не могу себе позволить сдаться. Так мало удивительного осталось на просторах Вселенной, а здесь – необычным и чем-то звеняще важным пропитан сам воздух. Разве удивляться не значит жить?

Я продолжаю неспешный полёт обрывка ткани в сторону обратной стороны этого страдающего дуализмом мира.

Хаос приближался, и с каждым моментом всё ярче был замечен контраст между цельно-металлическим, таинственным и страшным Кубом и понятным, живым и ароматным лесом. Ветер здесь усилился, и понёс меня прямо над макушками зеленых исполинов, словно проводя экскурсию по самым живописным местам. Но рассмотреть отсюда, что творится на земле, было невозможно – деревья росли слишком тесно друг к другу. Над кронами барахталось марево. Видимо, здесь была сильная жара и испарения.

Наконец, меня зацепило за особо выпирающий сук, и путешествие остановилось. Но лишь для того, чтобы продолжиться в направлении вертикально вниз – уже глазами какой-то чешуйчатокрылой птицы. Замечательный обзор в триста шестьдесят градусов вокруг, а также вверх и вниз был для моего восприятия несколько чересчур. Бросив пустую затею освоиться с новыми ощущениями, я просто стал разбирать по очереди картины, предстающие перед моими органами зрения.

Это был живой, привычный, но какой-то лакированный ствол дерева; от него ответвлялось огромное количество лиан и гибких веток.

Условно разделив лес на верхний, средний и нижний ярусы, я отметил, что сверху была самая обычная зелёная листва, нежащаяся в приятной для себя тени. Ниже было царство лиан, которые опутывали почти всё свободное от стволов пространство, подобно паутине. То ли из-за каких-то местных физических законов, то ли из-за взаимодействия с верхним, «лиственным» слоем, но здесь жарко застывшую атмосферу пронизывал волшебный изумрудный свет. Такие невероятные сочетания красок я бы не встретил и на морском дне.

На этом, среднем, ярусе уже вовсю кипела жизнь. Очевидно, зеленая верхушка этого айсберга была лишь прикрытием от постороннего взгляда настоящего мира дикарей, буйного и неудержимого. Здесь летали, ползали, перепрыгивали и карабкались тысячи, нет – миллионы живых созданий, знакомых, неизвестных, и похожих на что-то смутно знакомое.

Теперь я понимал смысл этой плотной чешуи на своих крыльях – она спасала от укусов яростных moskitov, являющихся самыми многочисленными представителями живых существ на среднем ярусе.

Изумрудный свет иссяк, лианы закончились. Здесь был последний ярус, хотя по значимости как раз наоборот. Плавно взмахивая крыльями, я завис в воздухе, разглядывая место, которое техно называли «логовом варваров». Мерзкое словосочетание. Сам я смаковал в уме так и напрашивающееся «рай».

Там были цветы. Огромные, непохожие ни на один из виденных мной ранее, но всё же цветы. Нежные, но крепкие стебли толщиной в руку тянулись вверх, достигая высотой до трёх

метров. Никаких листьев или отростков. Зато на верхушке ближайшего ко мне цветка виновато свисал ярко фиолетовый бутон. Мои чувствительные рецепторы не выдержали божественного аромата, и я чихнул.

Бутоны были самых разнообразных оттенков – розовые, перламутровые, апельсиново-оранжевые. Но всё это буйство красок смягчал какой-то особенный, тёплый и мягкий свет, царивший на нижнем ярусе. В отличие от Куба с его гробовой тишиной здесь стрекотали насекомые, пели птицы, потрескивали деревья.

Но самое удивительное чудо в этом месте – вода. То есть даже не само её наличие, а то, как она здесь себя вела.

Над каждым цветком, над каждым бутонем прямо в воздухе висело... Озеро. Это было так необычно – видеть то, как вода безо всякой посторонней помощи висит, ждёт, и – раз! Сама принимает решение немного напитать влагой, полить находящееся внизу гигантское растение и жирный чернозём под ним.

Казалось, я мог вечно наблюдать за этими чудесами, но пыльца вновь попала в мой чувствительный нос, и я чихнул. И ещё раз.

Моя птица была здесь явно не в своей тарелке. Подумав секунду, отпускаю её, а сам я уже внутри бутона.

Мне тяжело. Очень тяжело! Странное ощущение, будто меня сейчас вырвет...

Ко мне летит, быстро перебирая крыльями варвар, такой же, какого я видел на Кубе в виде неумелой скульптуры. Желто-чёрные полосы на мохнатом теле, уродливые лапки, жало на хвосте и грозные жвала. Вылитый шершень.

Он подлетает ко мне, готовому прорваться бутону, и я испытываю облегчение. Невероятное чувство, будто меня душил питон, а теперь я дышу полной грудью в ботаническом саду. Мне хочется кричать, и я кричу, и трёхголосое эхо вторит мне.

Бутон, разваленный на две половинки, стремительно поглощается голодной землёй. Удивлённо смотрю на варвара фасеточными глазами, порхая в воздухе рядом с ним. Он раскрывает жвала, и выдавливает:

– Меня зовут Антоний. Я буду вести тебя, Итон.

Не говоря больше ни слова, он летит, медленно, давая понять, что мне нужно следовать за ним. Это были первые взмахи Итона, но мышцы довольно быстро привыкали к размеренным движениям.

Зрение было неудобным только на первый взгляд. Очень быстро я приловчился, некоторыми сегментами глаз настроившись на Антония, и на то, чтобы не врезаться в цветы и других дикарей, а другими рассматривал окружающий меня новый мир. Тут и там шершни подлетали к бирюзовым, красным и оранжевым бутонам, и через секунду из них вылуплялись детеныши, в два раза меньше взрослых особей. Но вновь обретенный инстинкт подсказывал, что уже через пару дней они достигнут нужных размеров.

Мы летели уже довольно долго. Казалось, цветы были нескончаемы. Страшно было подумать, какой получится рой шершней, когда все они вылупятся и объединятся.

Иногда попадались пустые пространства, вроде полян. Лишь сверху исполины-деревья всё также закрывали собой мир варваров от чёрного Куба. Теперь лишь я заметил то, что не давало мне покоя. На нижнем ярусе Леса не было стволов деревьев, их корней. Всё это зависло в воздухе, слегка покачиваясь, намного выше – там, где кончался средний уровень.

Итон уже порядком утомился, когда, наконец, его проводник остановился на одной из полян. На ней уже находились несколько десятков пар взрослых-детеныш.

– Не бойся. Сейчас я буду обучать тебя биться, Итон. Возьми это.

Антоний также взял в каждую из своих восьми лап по прямой палке.

– А против кого мне придётся воевать?

Дикарь не ответил. Лениво подлетев, он медленно замахнулся, обозначая удар. Итон инстинктивно блокировал.

– Мы воюем против страшных тварей, у которых нет души.

Уже более проворно Антоний подлетел с другого бока и ударил. Блок, и разрыв дистанции.

– А почему мы с ними воюем, Антоний?

Итон с трудом сумел отразить удар одновременно четырёх конечностей, но ещё четыре достали его. Однако боли не было, тело гигантского шершня было слишком мощным для обыкновенных палок.

– Такова наша природа, Итон, со временем ты поймёшь.

Теперь Антоний с поразительной скоростью налетал на своего подопечного, сверху, справа, слева и сзади, одновременно работая всеми восемью лапами и опасно щёлкая жвалами. Итон не успевал за ним, всё, что он мог – это закрываться, но всё равно пропускал много ударов. Прекратив избиение, шершень уставился прямо в глаза своего ученика, и прорычал:

– Осталось всего два дня, я должен тебя многому научить. Но самое основное уже вложено в тебя, и проснётся тогда, когда будет нужно.

– Антоний, а где они, те твари, которых нам надо убить?

– Убить? Главное не это. Главное, это освободить Куб. Эти техно, они всего лишь надсмотрщики. Они держат Куб в осаде, там, выше неба, – варвар указал вверх одной из своих мохнатых лап.

– Ты знаешь, как можно попасть в Куб? – я почуял, наконец, вкус полезной информации, и думал теперь лишь о том, как бы её не упустить.

– Ты задаешь странные вопросы, Итон, это меня пугает.

«Проклятье, кажется, поторопился!»

– Ты должен почувствовать всё сам. Зачем, как, и что нужно для этого делать. Сон подскажет тебе.

Антоний подбросил в своих лапах оружие, давая понять, что отдых окончен.

Сколько они дрались так, невозможно было понять – время здесь шло по-особенному. Свет не мерк, всё так же ласково лучась из каждой микрочастицы этого мира.

Десятки детёнышей шершней так же, как Итон, бились со своими взрослыми наставниками. Некоторые из них уже познакомились друг с другом во время коротких передышек. Итону запомнились Измий и Оливан, которые постоянно крутились где-то рядом. Они уже знали, что очень скоро возьмут в лапы уже не палки, а остро отточенные пластины из хитина двуглавых ящериц, что обитали выше, среди деревьев. Очень скоро они будут уже не в шутку, а в настоящей ярости рвать своими жвалами врага на части, выпуская ядовитую слюну. Но страха не было.

– Можете поиграть.

Трое молодых шершня недолго думали над предложением. Итон подлетел к Оливану, прикоснулся к животу лапой, и полетел от него, ежесекундно оборачиваясь. Тот, поняв инстинктивно, что от него требуется, стал догонять улетающего от него Измия, также сразу понявшего правила игры.

Они гонялись друг за другом, испытывая радость полёта, дружескую теплоту и задор, от которого даже рычали.

Мне не хотелось останавливаться, эмоций было хоть отбавляй. Что ни говори, а в раю всегда найдётся занятие по душе. Но силы всё же не безграничны, и через какое-то время шершни выдохлись.

Антоний поглядел на ближайший к поляне цветок. Его ещё не раскрывшийся бутон поднимался вверх, будто притягиваемый силой, обратной силе притяжения.

– Наступает ночь.

Действительно, остальные варвары тоже закончили свои тренировки и игры, и все стали разлетаться в разные стороны. Антоний повлёк ученика за собой.

Долго лететь не пришлось. Старшему шершню понравился неглубокий овраг, свободный от цветов. Здесь была лишь мягкая, уютная травка, на которой они и улеглись.

Последней мыслью Итона, прежде чем он заснул, было: «Как жаль, что нельзя обходиться без сна, я бы столько всего полезного мог делать вместо него».

Я сдержал ехидный смешок. Всё равно голосовые связки шершня не предназначены для смеха.

Страна варваров мне понравилась больше, чем город-Куб. Да и не чувствовались уже такими страшными агрессорами местные дикари. Просто у них были свои, к сожалению, не доступные моему нездешнему разуму, инстинкты. Кроме того, здесь было божественно красиво. Чернозём, деревья, цветы.

Но гипса здесь нет, и быть не может. И скульпторов тоже. Тогда кто поставил посреди Куба гипсовую статую шершня?

Вскоре меня тоже сморило, хотя я думал раньше, что это невозможно в моих путешествиях. Видимо, ошибался. На Кубе такого и в помине не было, а ведь я провел там несколько дней. А тут – вот так, сразу...

Я видел сон, правдоподобный до странности. Мне снился Куб.

– Зед, Хван, расходимся «зубцами», но не теряем друг друга из виду.

Старший Исполнитель остался с Грифом, чтобы в случае чего, быть готовым к решительным действиям. Сейчас они прочёсывали территорию возле корпуса Перерождения, но никаких признаков Сущности не было. Что бы это ни было, оно затаилось.

То, что случилось с Вурвиршем и ещё пятью десятками других техно, потрясло. Слух о том событии быстрее скорости космического света разнесся по Кубу. Такого не было даже в хрониках старого библиотекаря.

Страх был неведом техно. Однако напряжение в воздухе стояло настолько плотное, что в него можно было бы поставить молот. Никто не хотел оказаться машиной в руках безумца со сломанным пультом управления.

В тот же день был устроен Совет. Главы Углов дали наказ – быть начеку, следить за необычным поведением ближайших техно, и в случае обнаружения Сущности немедленно обращаться к Исполнителям.

Кай был взбешен. Мало того, что его репутация запятнана первой неудачной встречей с Сущностью, так еще и теперь к нему приставили Грифа. Этого мерзкого старикашку, которому самое место на свалке времен! А все потому, что тот каким-то неведомым способом мог влиять на тварь. Квотердан говорил, что она боится библиотекаря, но в это слабо верилось. Скорее всего, хозяева Углов просто в растерянности решили сделать хоть что-то, неважно что.

Как можно поймать Сущность, которая может вселиться во что угодно, и ничто ей не преграда?

У Зед были кое-какие идеи на этот счёт, но он решил в этот раз не торопиться. Если он опять ошибется, Кай ему этого не простит. Наука – опасная вещь, и нужно все ещё тщательней обдумать и перепроверить. Лишь бы наставник не узнал.

День подходил к концу, туман уже собирался где-то в вышине, для того чтобы саваном опуститься на Куб.

Исполнители исследовали свой сектор вдоль и поперек, но поиски ни к чему не привели. Ничего необычного. Пора было возвращаться в здание Совета, доложить о результатах восьмерке влиятельных техно.

Зал был заполнен под завязку, многих сняли с оборонительных сооружений Граней, по совету Грифа. Старший Исполнитель, не останавливаясь, шел к центру, чтобы лично заявить о бесполезности поисков. Он успел пересечь половину зала, как вдруг увидел, что из другого входа в сторону хозяев Углов поехала нелепая платформа на колесах. На ней было установлено чучело варвара, уродливая карикатура на уродливую тварь. Кай не успел и возмутиться, как невидимая могучая рука отбросила его назад, впечатав в стену...

Гул.

Он медленно встал, опираясь на одну руку – второй не было.

Здание Совета потонуло в едком желтом дыму, сквозь который было видно прорывающуюся кое-где пламя.

Множество чудо-колонн попадало, остальные были согнуты, либо свёрнуты в спираль. Пол густо устилал ковёр из искореженных останков сотен техно. Были и раненые, горящие и с оторванными конечностями. Они пытались встать, а если удавалось, оставались стоять на том же месте, не зная, что делать. Никто не кричал и не стонал – техно неведома боль. В зале Совета зловеще молчала тишина, лишь жалобно, тонко пищал огонь, который умирал, не в силах зацепиться за мёртвый чёрный металл Куба.

Кай встал, наконец, и совершенно неуклюже, едва перебирая ногами, побрёл по этому ужасающему ковру. Когда он перешагивал через какого-то техно с обезображенным лицом, едва слышно прозвучали ещё два взрыва. Старший Исполнитель, однако, списал этот звук на сбой своего поврежденного мозга.

«Здание Совета разрушено. Совета больше нет». Два этих страшных факта почти осязаемо пульсировали, вонзаясь в головы тех, кто выжил в этом хаосе.

Кай бродил посреди поваленных колонн и изувеченных тел, пытаясь найти хозяев Углов. Те были далеко от эпицентра взрыва, и оставалась надежда, что они уцелели. Так оно и оказалось.

Привалившись к одной из колонн, сидел Квотердан, а рядом с ним стоял, отстраненно рассматривая пепелище, Валиан. Увидав Старшего Исполнителя, первый тоже встал. Заговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Гриф ошибся. Нам не стоило его слушать, в этот раз. Нужно было оставить больше стражей на Гранях, тогда бы варвары ни за что не пробились на Куб.

– Ты думаешь, что эти твари способны придумать взрывчатое вещество? Сомнительно, Квотердан.

Кай, видя непоколебимое спокойствие в двоих влиятельных техно, решил пока просто помолчать, пока ему не дадут слово. В эпицентре сложившегося происшествия деловой разговор выглядел несколько диковато. Но эмоции непростительны.

– Когда-то нам не верилось, что они научатся разговаривать, теперь это факт, Валиан.

– Нет, это другое... Я знаю, где сейчас Сущность, – он обращался к Каю. – Ваша помощь в поисках этой твари больше не требуется. Пока. Почините свою руку, и направьте основную деятельность Исполнителей на устранение паники и беспорядков. Найдите возможных виновников, допустивших варваров на Куб.

– Слушаюсь.

– Валиан, ты думаешь, что Сущность научила их?

– Больше никому, Квотердан. У нас нет выбора. Нас осталось всего двое, ситуация шаткая, как никогда раньше. Чтобы Сущность не сотворила еще что-нибудь, придется сделать то, что мы никогда не делали. Собрать столько техно, сколько сможем, и уничтожить тех тварей в их логове. Очистить от них леса, раз и навсегда.

– Да, тогда и ситуация с Сущностью станет проще. Поручим Грифу заняться нейрооповещением.

– Выступим завтра, а сейчас подготовим лёты.

Валиан и Квотердан, двое из восьмерки, оставшиеся в живых, молча, шагали по дымящимся трупам. Здание Совета они восстановят потом. Сейчас главное – нанести ответный удар.

7.

Итон проснулся от того, что почувствовал прикосновения к своему животу. Это Антоний будил его, легонько подталкивая жвалами.

– Поднимайся.

– Мне нужно еще поспать...

– Не поддавайся дурному влиянию Куба. Мне ещё нужно успеть сделать из тебя настоящего бойца.

Итон нехотя заработал крыльями, поднявшись в воздух. Вниз, на покрытую росой поляну полетели прилипшие к туловищу травинки. Встряхнувшись, как-то сразу он почувствовал жуткий голод.

– Не беспокойся, ты привыкнешь.

Антоний полетел куда-то, видимо, за едой. Итон, мучимый любопытством, покинул место своего ночлега. Выше овражка были заросли цветов, тех самых, с огромными бутонами-утробами, в утреннем свете кажущиеся еще сказочней, чем днем ранее. Здесь были его знакомые Измий и Оливан, и ещё неизвестные шершни. Их старшие наставники видимо, тоже отлучились, поскольку нигде поблизости их видно не было.

– Итон, делай как я!

Оливан коснулся его одной из своих лап, и очень грациозно для своего пухлого тела полетел вверх, одновременно закручиваясь вокруг себя. Достигнув приличной высоты, он развернулся, и бесстрашно ухнул вниз, да ещё и разгоняясь при помощи крыльев. Шершни уже забеспокоились, когда Оливан скорректировал направление, и со всего разгона нырнул в одно из летающих озёр. Вода мягко затормозила его падение. Пробив озеро насквозь, Оливан приземлился прямо на мягкий перламутровый бутон, и, отпружинив от него, оказался на земле.

– Брррр!

Шершень встряхнулся всем телом, обдав восторженных собратьев ледяной водой. Капельки зазвенели по земле, как колокольчики.

Итон клацнул жвалами, и поднялся в воздух, целясь сразу же нырнуть в зависшее над бутонем озеро, но его грубо оборвал внезапно появившийся Антоний, просто напросто дёрнув за заднюю лапу. Молодой шершень упал на траву.

– Никому не сметь прикасаться к живым цветам!

– Но Антоний, я просто хотел...

– Ты ещё молод, и не знаешь, чего ты хочешь. – Он отвёл своего подопечного на край поляны. – Поешь, и я буду тебя учить.

Антоний зря времени не терял – на траве лежало настоящее оружие – остро отточенные пластины, а рядом целая гора крупных, размером с его голову, плодов. Осторожно попробовав, молодой шершень довольно щелкнул жвалами. Вскоре все фрукты оказались съедены.

Итон почувствовал мощный прилив сил, он рвался в бой. Однако Антоний не спешил. Он обеспокоенно посматривал из стороны в сторону, и наверх.

– Почему мы не бьёмся?

Антоний не отвечал. Только сейчас Итон обратил внимание на то, что его наставник больше не казался таким уж огромным. На самом деле, это он сам ощутимо вырос, ненамного уступая взрослому шершню размерами.

– Что-то случилось.

Теперь уже и молодой ученик почувствовал это – странное напряжение вибрировало в спокойном и мягком ранее воздухе.

– Всем на поляну! – взревел Антоний.

Царство деревьев и лиан среднего яруса замерцало, сам воздух там зашевелился. Даже отсюда, снизу, был слышен страшный рокот.

В этот момент по земле ударил град. Град из скорчившихся, дымящихся останков деревьев, скрученных в комки лиан и... трупов. Нетронутый, непуганый мир гармонии животных и растений умирал, корчась от жара преисподней. Ползающие, лазающие, летающие – все они теперь лежали.

Кое-где лес уже выгорел настолько, что образовывались прорехи, будто окна в другой мир.

Я смотрел глазами Итона на рушащийся рай, и, откровенно говоря, мне было не по себе. В этот момент Куб приоткрыл новые, отторгающие от себя детали. Он зловеще выглядывал из-за изрядно поредевших джунглей, мне даже почудился шепот: «Вот я и нашел тебя!»

Через расширяющиеся дыры в непроницаемом раньше потолке леса уже были видны корабли техно. По всей видимости, это и были те самые лётцы, про которые я услышал во сне. В действительности они были как две капли воды похожи на обычные яхты. Палуба, мачта – из чёрного металла, парус – из грубой ткани. Вместо мотора сзади была установлена мощнейшая магнитотепловая пушка, которая и уничтожала лес.

Отсюда трудно было рассмотреть, определить численность врага, но этого и не требовалось. Главное, что пришло время убивать. Этому чувству невозможно было противиться, и Итон, взяв в каждую лапу по пластине, стремительно бросился туда, вверх. Боковыми сегментами глаз было видно, что другие шершни летят с ним бок о бок, и это ещё сильнее раззадоривало. Мечь будет страшной, эти чудовища сдохнут!

Сотня шершней, в которой находился Итон, вылетела из своего растревоженного улья, в ярости оглушительно рыча. Не все успели подняться над поверхностью оставшихся зелёных крон деревьев, часть из них попала под чудовищное излучение пушек. Несчастные корчились, плаваясь прямо в воздухе, и безвольными мешками падали туда, откуда только что вырвались.

Здесь, на свободном месте, был виден весь размах атаки техно. Над той поляной, откуда взлетела сотня Антония, зависло полсотни лётцов, на каждом из которых было по пять этих существ. Но насколько хватало мощного зрения гигантского шершня, не было конца таких же, как этот, «отрядов». Народ техно поставил на кон всё.

Помощи ждать было неоткуда. Над лесом тут и там взлетали другие сотни варваров, но все они сражались на своих участках.

Итон не чувствовал страха. Было лишь непоколебимое ощущение, что время пришло. Задействовав, наверное, весь могучий потенциал своего тела, он крутанулся в сторону, избежав встречи с одним судном техно, увернулся от направленной на него странной трубки, которую направил на него этот уродливый полуробот. Задним зрением все же зафиксировал, что один из шершней попал-таки под её действие. Это был Антоний. Он как-то лениво, даже блаженно медленно полетел прямо на палубу того лётца, еле-еле перебирая крыльями. «Стой!» – прокричал Итон, но было уже поздно. Тот техно поднял вторую руку с зажатым в ней клинком с движущимся зазубренным лезвием, и рассек варвара пополам.

«Вот и цванги» – отстраненно отметил я.

Итон иступленно зарычал, чувствуя, как на жвалах скапливается яд. Осталось лишь выплеснуть его, да так, чтобы ни капли не проронить мимо врага!

Рядом с ним десятки шершней также исполняли чудеса высшего пилотажа, кружась вокруг лётцов, пикируя на них. Время от времени у кого-то получалось достать своей острой боевой пластиной врага, лишая конечностей – какими бы ни были крепкими сплавы, из которых сделаны тела техно, оружие варваров тоже было грозным.

Выстроенные в боевой порядок лётцы противников вынуждены были повременить с уничтожением лесов. Яростно гудящий рой варваров облепил летающие яхты, заставляя техно

отбиваться от их хаотичных атак. Магнитотепловые пушки больше не были эффективны, в ближнем бою без всякого порядка. Неплотный строй, изначально рассчитанный на бомбардировку джунглей, сбился. Впрочем, лишь для того, чтобы перегруппироваться для полноценного воздушного боя. Теперь техно встали ближе, так что могли бы, если бы захотели, пожать руку воину с соседнего лёта.

Кто-то из варваров попытался вонзиться прямо в самую гущу неприступного вражеского отряда, но был атакован сразу несколькими парами цвангов, продержавшись всего одно мгновение. Его тело, разрубленное на множество кусков, полетело к далёкой, уже не такой райски нетронутой траве.

Итон, проследив за падающими останками, увидел, что с поверхности то и дело поднимались вверх всё новые и новые сотни. Они частично сгорали под действием пушек, установленных на лётах, но всё равно достигали своих врагов.

Отряд техно оцетинился, отражая самоубийственные атаки шершней, пикирующих их со всех сторон. Даже железная дисциплина и выучка, позволявшая без лишних слов и команд принимать правильные решения, не помогала. То в одном, то в другом месте кто-нибудь да доставал остро отточенной хитиновой пластиной до хладнокровно оборонявшихся защитников Куба.

Итон, прибившись к группе из пяти шершней, с удивительной ловкостью избегал психического воздействия первого цванга, вовремя меняя направление полёта, а от его режущего напарника однажды не удалось увернуться. Впрочем, это можно было списать на недооценку соперника. Итон вырулил из крутого виража, прямо в спину одного из техно. Реакция существа оказалась сумасшедшей. Он успел парировать удар, под немыслимым градусом развернуть ногу, и, перебросив в ногу режущий цванг, рубанул ей воздух перед самым брюхом Итона. Шершня спасло только животное чутьё и скорость, он отделался царапиной.

Где-то рядом раздался свист, и того самого техно рассекло пополам, от головы до низа туловища. Итон благодарно рыкнул собрату, но того уже зацепило психической атакой, и он безвольно застыл на месте, тут же распрощавшись с жизнью.

Я решил немного помочь своему носителю, направив его туда, где можно было нанести врагу серьезный удар.

Итон стремительно покинул палубу лёта, обогнул его, и оказался прямо под ним. Не теряя времени даром, стал наносить удар за ударом, всеми четырьмя парами пластин, прямо по дну. К нему присоединился кто-то из своих.

Один из техно заметил их, но было уже поздно. Устало застонав, лёт опрокинулся на бок, и ухнул вниз, на своём пути сметя ещё несколько летающих кораблей. В образовавшуюся брешь тут же хлынули несколько десятков варваров, стараясь разрушить плотину, давшую течь.

Дальше началась полнейшая свалка. Мой человеческий ум не поспевал анализировать картинки, мелькавшие перед фасеточными глазами огромного шершня. Всё смешалось. Грозные лёты, хищные чёрные силуэты, буйноцветные погибающие леса, плескающиеся ядом жвала варваров, сверкающие фотоэлементы техно, равнодушная громада Куба...

В какой-то момент я перенёсся в одного из роботизированных воинов. Я даже не понял толком, произошло это по воле самого Итона, или это мне надоело кружиться в этой круговерти. Просто восприятие стало обычным, даже непривычно обычным, в сравнении с последними двумя днями. Гуманоидный набор, что ни говори.

Моего нового носителя звали Тим. На лёте, где он держал оборону, находилось ещё двое техно. Отсюда, с палубы летучего корабля, битва выглядела несколько по-иному.

Яростно атакующие варвары, казалось бы, числом подавляли врага, но это была иллюзия. Теперь это стало ясно, как космический свет. На самом деле флот из сорока с небольшим лётов не висел на одном месте, а двигался в обратном направлении. Медленно. Если кто из шершней и заметил передвижение, то списал это на отступление под натиском их атаки.

Но это была классическая тактика флота техно. Дать поверить врагу в свою силу, оттянуть на себя и размазать, раздавить, уничтожить.

Каждый из множества разбитых на полусотни отрядов отступал, приближаясь к Кубу, и друг к другу. Пока это были локализованные бои, десятки фронтов, но уже очень скоро это перерастет в генеральное сражение огромной организованной флотилии против разрозненного роя защитников растревоженного улья.

Тим, и двое оставшихся в живых членов команды встали спина к спине, образовав несокрушимый треугольник. Все, кто приближался к ним, или к днищам ближайших лётов, подвергались действию цвангов. Ошибок больше нельзя было допускать. Варваров стало слишком много, и они не давали расслабляться ни на секунду.

На тройку техно налетели сразу шестеро врагов, явно неспроста. Организовался целенаправленный штурм лёта.

Причём в то время, как трое варваров приземлились прямо на палубу, остальные трое курсировали над головами, рассекая со свистом воздух своими допотопными оружиями.

Тим схватился с огромным шершнем, отбиваясь сразу от четырёх пар лап с зажатými в них пластинами. Он взбесившимся вихрем носился по лёту, выкручивая свои сочленения в невероятные углы. Психо-цванг в такой динамичной схватке был беспомощен, но Тим справлялся и одним режущим. Блокировал один удар, второй, сразу ещё три, кувыркнулся, подпрыгнул, в прыжке блокировал шесть ударов второго шершня, а пока приземлялся, нанёс удар первому. Однако, уже теряя четыре пары своих лап, тварь зарычала, и плеснула кислотой. Едкая гадость, она лишь вскользь задела оружие Тима, но этого хватило, чтобы за пару мгновений оба цванга буквально испарились. На второго оставшегося в живых противника ему пришлось броситься совершенно безоружным.

Он поймал варвара за лапу, опрокинул его на палубу, но тот со звериной силой вывернулся, и, устрашающе клацнув жвалами, пошёл на него, раскручивая пластины в лапах, всё быстрее и быстрее.

«Пора искать другое тело» – приготовился я, но ошибся.

Шершень безвольно обмяк, и бросился на движущееся лезвие цванга.

На палубе остался в живых еще один член команды, он-то и спас Тиму жизнь.

Техно благодарно сверкнул глазами, и, не найдя ничего привычного, подобрал с пола пару боевых пластин варвара. Такое оружие лучше, чем никакое.

Тем временем, многие сотни отрядов техно уже практически слились в единое целое, оставалось лишь выстроиться в боевой порядок, предназначенный для сокрушающего удара.

Армада армии варваров тоже выглядела внушительно. Прежде всего, она поражала своей численностью. Варваров было столько, что на каждый лёт приходилось по полутысяче полосатых воинов. Они верили в то, что оттеснили врага к логову, и вот-вот размажут его о стены. Шершни восторженно гудели, предвкушая, как они налетят волной на ненавистный Куб, и исполнят свой долг. Впереди была месть за разрушенный, но не сокрушенный рай, который остался далеко позади. Там, на земле, дымились останки летучих кораблей и живых существ. Если когда-то там и будет так же красиво, как вчера, то ещё очень и очень не скоро.

В этот момент флотилия техно, уже не скрываясь, отступала к Кубу. До него оставалось рукой подать, и даже варвары сообразили, что добром это не кончится. Разом отбросив всякую браваду, шершни бросились в лобовую атаку, рассерженным роем безо всякого строя.

Ещё ближе, ещё чуть-чуть! На Гранях были установлены фаи, огромные психоуловители с мощным углом обзора и высокой дальностью. Именно они не давали варварам проникнуть на поверхность Куба, именно они держали под своим неусыпным контролем всю его необъятную поверхность. Пока что кое-где вносили свой кровавый вклад ву-пушки, но слишком незначительный – стреляли мало из-за опасности навредить своим бойцам.

Тим надеялся, что те воины, что остались на Гранях, вовремя воспользуются фаями, и исход битвы, а вместе с ней и войны будет предрешен. Он смог продержаться, выжить лишь с парой боевых пластин варваров, и теперь пустит их в ход против их же бывших хозяев.

Однако время шло, лёты уже давно пересекли условную границу, в пределах которой работали фаи, но почему-то ничего не происходило. Кроме того, что волна гигантских шершней настигла, наконец, флотилию техно, и обрушила на неё свой гнев...

В ход пошли боевые пластины, жала, жвала, плевки ядом, и самое страшное оружие – месть за сожженный дом. Ничто бы не устояло перед таким натиском. Ничто, кроме мобилизованной армии расы воинов-ученых.

Варвары ударили, и откатились назад. Бросились на сплошной строй лётов, и вновь их отбросило, будто они бились о стену. Но это было не так.

Каждый наскок, каждый натиск уносил сотни жизней, как с одной, так и с другой стороны. Вот – в одном месте варвары прорвали брешь, уничтожив сразу несколько лётов. Войдя в раж, они тут же дорого заплатили за это – далеко прорвавшись, сразу оказались отрезаны от основных сил. Безжалостный пресс армии техно раздавил их в мгновение ока.

Вот – в другом месте защитники Куба излишне увлеклись, работая цвангами, как заведенная хорошо отлаженная машина, и вырвались вперед, оголив фланги. Пришлось отступить, теряя темп и лёты.

Техно оборонялись, медленно отступая. Они изначально были уверены в поддержке с Граней Куба, а теперь бывший идеальным план стал тупиковым. Потери среди Хаоса были огромны, они лезли на верную гибель, получали её, но всё равно продвигались вперед.

«Ну, где же вы? Почему фаи бездействуют?» Но ответом Тиму был лишь оглушительный лязг сотен тысяч цванг и пластин.

Я не знал, сколько продлилась битва. Из-за дыма и необычайного скопления войск стало ощутимо темнее. Судя по ощущениям, прошла вечность, а по количеству войск с обеих сторон – не больше часа. Течение боя было скучным, неспешным. Прилив – отлив. Однако и здесь не обошлось без неожиданностей.

Медленно отступающую флотилию техно вдруг как-то разом повело вниз. Бегство?!

Нет, в разуме Тима была непоколебимая решимость биться, а значит это то, чего никто не ожидал.

Фаи, наконец, заработали, только не против варваров, а против защитников Куба.

Нескончаемый рой шершней в этот момент устроил настоящую бойню, ударив в спину медленно идущим к поверхности врагам.

Тим был жив лишь потому, что находился в глубине своего войска. Он ничего не мог поделать, безвольно приближая свой лёт к поверхности.

Внезапно с его зрения словно сорвали пелену, и свобода действий вернулась. Тим обнаружил, что уже почти настиг одной из Граней, и там, на ней – шёл бой. Техно убивали друг друга. Однако удивиться парадоксу ему не удалось – пришлось отбиваться от наседавших на него варваров. Но как же их было много! Этот небольшой миг, когда техно попали под воздействие фая, оказался переломным. Превосходство теперь перешло на сторону шершней, и вот уже они гнали по Кубу прыгающих с лётов защитников. Вот теперь это было бегство. В одиночку против десятерых, а то и больше – это был провал.

Что бы ни творилось на Грани, которую видел Тим, теперь фаи заработали, останавливая варваров.

Качели качнулись в нужную сторону.

Краткий миг превосходства воины техно использовали сполна, промчавшись по Кубу, будто бешеные мясорубки. Неожиданно эффективно сработали учебные манипуляторы с клинками, выпущенные из скрытых ниш на Гранях.

Качели опустились наполовину.

Варвары, изрядно уменьшившись в числе, вновь пришли в боевую ярость. Фаи больше не работали. Завязались беспорядочные схватки, то тут, то там.

Качели остановились.

Огромные психоуловители, установленные на ближайшей к Тиму Грани, взорвались, взметнув вверх десятиметровый столб пламени. Обломки, валуны из воронёной стали, будто пушинки, полетели во все стороны. Всё заволочло чёрным дымом.

Тьма.

8.

Везение – это та еще липучка. Если уж повезло в чем-то одном, то и дальше последует целая череда благоприятных до невероятности стечений обстоятельств.

Вот и сейчас меня не обманула удача. Обломок взорвавшегося участка Грани не сразу убил Тима, и этих нескольких мгновений агонии хватило, чтобы я покинул умирающее тело. И какое же чудесное совпадение – рядом был Двар, и я вошел в уже привычного для себя техно.

Первостепенным было для меня понять, что же произошло с защитниками Куба и с грозными фаями. Без долгих раздумий я погрузился в последние воспоминания своего носителя.

Двар в день великого похода армии техно на леса варваров был оставлен на Грани, в составе неперемного в таком случае резерва. У оставшихся воинов была очень важная задача – дожидаться приближения обеих армий, и своевременным ударом психоуловителей поставить жирную точку в кровавой войне.

Сотни техно хладнокровно застыли на бастионах Граней, ожидая своего часа. Время в мире варваров текло несколько по-иному. Казалось, не прошло и получаса с момента отбытия лётов за пределы Границы, как вот уже флотилия возвращалась обратно. Да не одна, а с целой тьмой шершней! Что там говорить, Двар никогда не видел столько тварей разом. Все их предыдущие штурмы были куда скромней.

Это была животная стихия, безумная и неостановимая. На каждый лёт, на каждого техно ежесекундно налетали по несколько стремительных мощных фигур. От мелькания сотен тысяч вооруженных конечностей Двар несколько потерялся, впрочем, тут же взяв себя в руки.

Зрелище действительно потрясло – будто черное шевелящееся небо опускается тебе на голову, и никуда от этого не деться. Могло сложиться впечатление, что битва превратилась в драку, беспорядочную, спутавшую все планы и разрушившую все тактики.

Но, несомненно, варвары были обречены, у них не было ни единого шанса. Двар крепче сжал в руках цванги, и машинально обернулся – все ли в порядке с ближайшей фасей.

То, что он увидел, было настолько невероятным, что в это трудно было поверить.

Группа воинов в странных, красных накидках, среди которых Двар узнал Кэра, уже добиwali пятерых техно, которые были сегодня операторами на фаях. Один из нападавших заметил невольного свидетеля расправы и махнул рукой, обнажив отметину в виде трех полос. От группы отделились трое, и молча пошли в ту сторону.

Двар сбросил с себя тяжелое оцепенение, и бросился бежать. Ему во что бы то ни стало нужно отбить орудия у предателей! Но он отдалялся от места происшествия всё дальше, и не встречал ни одного техно. Улицы Куба были в запустении. Многие сейчас были там, наверху – сражались с полчищами варваров, а другие оказались зажаты на Гранях. Оставались только Исполнители...

Осененный этой идеей, он умчался за помощью, опережая погоню всего на десяток шагов. Впрочем, этого небольшого отрыва хватило ему, чтобы добраться до Кая.

Именно группа Исполнителей и Двар стали теми, кто смог дать отпор предателям на Гранях. Впрочем, они были не вездесущи, и большинство фэй «красные» успели либо взять под свой контроль, либо уничтожить.

Везде, на каждом клочке Куба шли непрекращающиеся бои. Такого хаоса не творилось даже в погибающих райских лесах варваров. То, что происходило здесь, было настоящей пляской смерти. Все бились со всеми. Группами, поодиночке, и сплоченными отрядами – посреди дымящихся развалин. Почти все стратегически важные здания на Кубе оказались разрушены, либо переходили из одних рук в другие, каждую минуту.

– Кай, я кое-что придумал. Я понял, как мы сможем победить!

Кай подверг эмоциональному напору двоих варваров, попавшихся им на пути, и несколько его подопечных быстро справились с ними.

– Я тебе уже говорил насчет твоих идей – если будешь продолжать в том же духе, плохо кончишь.

Но Зед не сдавался. Он подошёл к наставнику поближе, и безмолвно зашевелил беззубым ртом, делая жесты. Вероятно, какой-то профессиональный шифр, поскольку Двар ничего не понял в этом диалоге.

– Хорошо, ты прав. – уже вслух ответил Кай. – Только нам нужна помощь техно воина. Двар, идём с нами!

Но тот не успел ответить. Откуда-то сверху на их небольшой отряд налетел десяток варваров. Пришлось использовать все свои силы и всю ловкость, чтобы увернуться от резко пикирующих шершней. Некоторые из них плюнули своим смертоносным ядом, и двое Исполнителей, не такие расторопные, стремительно расплавились. От них остались лишь мозги, кислота почему-то съела только неживые металлические конечности и туловище.

Ещё несколько техно лишились голов, не успев даже понять, что произошло.

Но остальные воспользовались ментальным напором, подавив волю нападавших. Дальнейшее было делом техники. Двар лично уничтожил двоих, других убили оставшиеся в живых Исполнители.

– Скорей, нам долго не продержаться в такой свалке!

Кай свернул куда-то, ведя за собой всю группу. Они уже не вмешивались в драки, попросту обходя открытые места. Мчались со всех ног и рук, насколько это было возможно в такой непростой обстановке.

Однажды они нарвались и на трех техно в красных накидках. Развязка была скорой, но кровопролитной. Защитники Куба потеряли еще двоих, но разрубили на куски предателей. Один «красный» успел перед смертью выкрикнуть проклятье:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.